

Вадим Храппа

УЛЬТИМАНИЯ

Сага о славе древней Пруссии,
о ее великом жреце Криве Кривайто,
и о падении старых богов.

Литагент В. В. Храппа
Вадим Вилюрович Храппа
Ульмигания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=52190857

Ульмигания:

Аннотация

Тринадцатый век. Железный Крест и Меч – против древних богов и Тайного Знания. Рыцари Ордена – против оборотней. Два мира столкнулись в центре Европы, в последнем оплоте её язычества. Пока неизвестно, кто победит, но уже пылают замки и вода в заливах окрасилась кровью. И ясно – ни один народ не может безнаказанно так долго и так сильно отличаться от своих соседей.

Содержание

Возвращение Дилинга	7
1	9
2	14
3	19
4	30
5	42
6	49
7	60
8	68
9	76
10	84
11	86
12	95
13	97
14	105
15	114
16	116
17	127
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Вадим Храппа

Ульмигания

**Сага о славе древней Пруссии,
о величии народа этой страны,
об их Верховном Жреце Криве Кривайто,
и о падении веры в старых богов**

Автор считает своим долгом напомнить читателю и критикам, что он всего лишь сочинитель, но не историк, и, следовательно, сюжет романа его занимает больше, чем соответствие книги исторической действительности.

1 стр. обложки – рельеф с изображением казни св. Адальберга пруссами на воротах храма в г. Гнезно (Польша).

В оформлении книги использованы зарисованные фрагменты золотой гривны работы 7-го века, найденной в 1798 г. при раскопках могильника в п. Штобьенен (ныне Куликово Калининградской области) и утерянной после штурма замка Кёнигсберг в 1945 г.

Возвращение Дилинга Книга первая

“В год 6732 (1223), из-за грехов наших пришли народы неизвестные, о которых никто точно не знает, кто они и откуда пришли, и каков их язык, и какого они племени, и ка-

кой веры. И называют их татарами, а иные говорят – таурмены, а другие – печенеги. Мы же не знаем, кто они такие, а написали здесь о них на память о бедах, которые они принесли...

Но все это случилось не из-за татар, а из-за гордости и высокомерия русских князей допустил, Бог такое. Ведь много было князей храбрых и надменных, и похваляющихся своей храбростью. И была у них многочисленная и храбрая дружина, и они хвалились ею, из дружины вспомним здесь об одном, найдя рассказ о нем.

Среди жителей Ростова был некто Александр по прозвищу Попович, и был слуга у него по имени Тороп, а служил этот Александр великому князю Всеволоду Юрьевичу. А когда великий князь отдал город сыну своему Константину, тогда и Александр начал служить Константину”.

Тверская летопись «Повесть о битве на Калке, и о князьях русских, и о семидесяти богатырях».

1

К маю тридцатого дня 1223 года Торопу едва исполнилось пятнадцать. Если б он по своему рождению был княжичем или смердом, его бы ждала женитьба и ночные шалости с супругой, как правило, чуть не вдвое старше. Но Тороп был витязем в девятом колене и потому лежал сейчас не на пышной белотелой груди избранницы, а в луже собственной крови на холме над рекой Калкой. И не мирное женское дыхание согревало его лицо, но степной ветер обдувал безбородые щеки, сушил по-детски припухлые губы.

Холм и его подножие были густо усеяны изрубленными трупами дружинников с восседавшими на них воронами. Стлался дым от сгоревшей засеки, устроенной великим князем Мстиславом Романовичем. Сам он давно уже задохнулся под дубовыми плахами, уложенными татарами на него, его зятя Андрея и князя Александра Дубровского.

Великий князь погиб по собственной глупой гордости. Получив сведения от разведчиков о том, что невдалеке расположились татары, он не стал сообщать об этом другим князьям, стоявшим с войсками поодаль, а сам, полагаясь только на свою дружину, даже не выяснив количество воинов Орды, бросился на них, рассчитывая всю славу победы пожнать собственноручно. А дружина у киевского князя была действительно славная. Семьдесят два витязя, искуснейшие во-

ины со всех княжеств русских, созвал Александр Попович под киевские хоругви, дабы остановить междоусобную резню на Руси, обезоружив спесивых князей. Щедр был Мстислав Романович к богатырям, но и они служили ему правдой. Потому и взыграла гордыня в великом князе. “Пока я в Киеве, – говаривал он, – по эту сторону Яика, Понтийского моря и реки Дуная татарской сабле не махать!” Однако вышло по-другому. Полегло в жестокой сече отборнейшее рыцарство Руси, ибо на каждый его меч приходились сотни и сотни ордынских сабель. Сами того не ведая, татары одним ударом отсекли голову русскому военному искусству. Страшной ценой пришлось заплатить Руси за спесь одного из князей.

Расправившись с Мстиславом Романовичем и его воинами, Орда хлынула дальше на, ничего не подозревавшие, козельский, черниговский, галицкий, ростовский отряды...

Но Тороп, самый младший в киевской дружине, еще недавно подносивший Александру Поповичу оружие, этого уже не видел. Не знал он и того, что давно присматривается к нему ворона, не решаясь подсесть ближе, чтобы клюнуть его в глаз, птичьим чутьем понимая, что воин этот безусый не мертв. Увлеченная делом, она не сразу заметила подходившего человека, а заметив, подскочила и, возмущенно каркая, отлетела в сторону. Но недалеко – человек возьмет с трупа то, что ему нужно, а самого его не тронет. Поэтому ей нужно держаться поближе, чтобы первой поспеть к добыче. Она давно летела за Ордой и знала, что мертвецов ее люди не

прячут в землю, позаботиться надо только о том, чтобы товарки по стае не перехватили лакомые куски.

Татарин снял с Торопа сапоги и, сопя, отстегивал пряжки на богатом варяжском поясе, подаренном Торопу вместе с мечом Поповичем. Пояс сразу вытащить не удавалось и татарину пришлось перевернуть тело витязя на бок.

Тороп очнулся, увидел прямо перед собой шишак с конским хвостом на вершине и снова прикрыл глаза. Татарин, насторожившись, прервал свое занятие и взгляделся в лицо Торопа. Но серебряные заклепки в виде грифонов на ремне занимали его больше, чем русский, пусть даже раненый, а не убитый. Татарин вытащил, наконец, пояс и, поднеся его ближе к глазам, издал довольное кряхтение.

Тороп пошевелил пальцами откинутой в сторону правой руки, которой не мог видеть татарин. Он еще не решил, что будет делать – убьет татарина или даст тому себя ограбить. Рядом могли оказаться другие. Но кочевник сам решил свою участь. Заметив выбившуюся из-под кольчуги ниточку на шее Торопа, он потянул за нее и вытащил серебряный крестик. Дернул, но ниточка была шелковой и не порвалась.

Злость тяжелой волной напрягла тело витязя. Бог с ними, с сапогами и поясом, но крест!..

Татарин вытащил кривой нож и собрался подsunуть под нитку. Тороп левой рукой перехватил его кисть, поворачивая лезвием вверх, а правой обхватил татарина за шею и дернул на себя. Голова татарина больно ударила шишаком в под-

бородок. Тороп вновь провалился в темноту.

Беды начались со смертью великого князя Всеволода Юрьевича, оставившего Владимир и престол младшему из сыновей – Юрию. Тлевшая до этого, вражда княжичей мгновенно разразилась войной. Старший, Константин, раздосадованный несправедливостью отца, спалил вотчину брата – Кострому. Тогда Юрий, уже в качестве великого князя, осадил Ростов. Предприятие это закончилось для Юрия Всеволодовича плачевно. Ростов открыл ворота, но для того только, чтобы выпустить дружину Александра Поповича. Курганы на берегах Ишны, набитые костями воинства великого князя владимирского, напоминают о том побоище.

Юрий делал еще несколько попыток усмирить старшего брата, но всякий раз дело решала дружина Поповича.

После боя на реке Гзе, где впервые отличился юный Тороп, приведший в ужас даже седых воинов умением обращаться с мечом, великий князь вынужден был униженно клясться на иконах в верности брату. Исход же спора положило сражение при Липицах, где на стороне Юрия и других князей сражался знаменитый рыцарь Ратибор, там же и погибший от меча Поповича. Наголо разбитый Юрий отказался от престола в пользу Константина.

Казалось, на Руси наступит мир. Но через два года Константин умирает, и Владимир вновь переходит к Юрию. Мудрый Попович, понимая, что во Владимире ему больше нечего делать, уходит с дружиной в свой замок на Гзу и отту-

да посылает Торопа созвать на Совет всех знакомых богатырей. Вместе они решают – не быть больше раздорам на Руси.

Но пришел 1223 год, а с ним – перепуганные половцы, посольство от князя Котяна – идет орда несметная с востока, дикая и свирепая, не поможете сегодня мне, завтра она будет у вас. Русские выступают навстречу.

2

Тороп очнулся от того, что у него замерзли ноги. С востока ползли сумерки и холод. На груди была тяжесть. Тороп сначала учуял смрад давно немытого человеческого тела смешавшийся с запахом сырмятной кожи и конского пота, и только потом вспомнил, что на нем лежит татарин. Вспомнил и то, как его самого ранили. В горячке боя Тороп не заметил, как оказался без шлема, а потом увидел черную вспышку от удара по голове.

Витязь скинул татарина и сел. К горлу подкатила тошнота, в глазах замельтешили рябые полосы и пятна. Его качнуло – пришлось опереться рукой о землю. Из всех сил Тороп старался остановить рябь в глазах – ему казалось, что он видит всадника – но это не удавалось.

Всадник, однако, становился яснее. Тороп протянул руку к поясу за мечом, но не оказалось и самого пояса. Тогда он вытащил нож из горла татарина и положил под ногу так, чтобы не было видно.

Подъехавший склонился:

– Тороп? Ты ли это? – Спрыгнул с коня. – Хоть одна живая душа! Что у тебя? Голова? Дай, гляну. Батюшки, да у тебя, почитай, всю кожу с затылка сняли. Как только кость цела осталась, не понимаю. – Приговаривал витязь с акцентом.

Он был из пруссов. Из тех наемных воинов, что в соста-

ве варяжских дружин так высоко ценились русскими князьями. Обычно варяги не принимали крещения, но на приставшее к ним славянское или даже христианское имя отзывались охотно. Этого звали Даниил. Он что-то делал с затылком Торопа, и тому казалось, что в голове зашевелились огненные змеи.

– Где все? – спросил Тороп сквозь зубы. – Где Попович?

– Полегли. Я уж думал, один остался. Плоскиня, собачий сын, продался татарам. Целовал крест у великого князя, что пропустят они нас из засеки, а как ворота открыли, так поганные и навалились. Я – за Плоскиней, он – в степь. Еле нагнал. Голову-то я ему снес, а когда вернулся – сердце захолонуло. Татары даже мертвых в куски изрубили. Так думаю, чтобы не смогли собрать, да похоронить по-человечески. Как тебя не заметили, не пойму. Наверное, оттого, что ты под татаринном схоронился.

Тороп вдруг почувствовал, что ему стало страшно. До сих пор он считал, что в свете нет силы, способной противостоять дружине Поповича.

– Неужели всех посекали?

– Всех, – сказал Даниил – Я, почитай, уже полдня поле объезжаю. Все семьдесят, как один. А князей повязали, дубовыми плахами накрыли, да видно сверху пировать устроились... Ты, почему босой?

– Татарин сапоги стянул. И крест хотел сорвать, сучий сын!

– Так это ты его.., – усмехнулся Даниил. – Не зря тебя

Попович столько лет возле себя держал.

– Хватит, – заерзал Тороп. – Что ты там делаешь?

– Сейчас, сейчас, вот только перевяжу.

Даниил снял кольцогу, аккуратно оторвал полоску ткани от рубахи и плотно замотал голову Торопу.

– Ну вот, порядок, – сказал он, облачаясь. – Ты пока посиди тут, а я неподалеку коня приметил, схожу за ним.

Даниил протянул небольшую помятую серебряную фляжку.

– Вот, хлебни пока, что б не скучно было. Это тебе сил прибавит.

Во фляге была медовуха, сваренная на травах. Витязи использовали ее и для смазывания ран, и принимая понемногу внутрь. Несколько глотков этой горечи действительно сняли боль и прояснили голову Торопу. Он стал думать.

Матери он не знал, та померла при родах. Отец погиб в стычке с переславцами, когда Торопу было всего пять лет. С тех пор он всегда был подле Поповича. Попович был ему и отцом, и учителем, и князем. Теперь не осталось ничего. Куда идти? Выстояли ли черниговцы, галичане и прочие? Если нет, то, как далеко зашли эти татары, или бог их ведает, кто они? И куда направились?

Тороп почувствовал, что начинает болеть голова от вопросов, которыми никогда не задавался, и хлебнул из фляжки.

Куда же он теперь, без Поповича? Пришел Даниил, ведя в поводу оседланную лошадь. Бросил на землю меч и шлем:

– На, я вижу твою сброю татары увели. Эта должна прийти тебе впору.

Тороп отпихнул татарина и вытащил из-под него свой пояс. Потом обулся. Встал. Его качнуло.

– О-о-о.., брат.., – протянул Даниил. – Тебе, видать, и одеться самому невмочь, не то чтобы на коня взобраться.

Он наклонился за мечом и шлемом.

– Я сам, – сказал Тороп.

– Ладно, уж... Сам! Будет срок, и ты за мной присмотришь.

Даниил помог Торопу снарядиться и поддержал, когда тот садился в седло. Потом направился к своему коню, стоявшему, как положено боевой лошади, там же где и оставил ее хозяин.

– Куда мы? – спросил Тороп.

Даниил нахмурился:

– Не знаю. Сначала выясним – далеко ли ушли татары? Потом решим. Однако запомни – в драку не суется. Ты не боец, а мне придется больше на тебя оглядываться, чем воевать. Нас теперь только двое, и каждый – на вес золота. Нельзя нам ни за что, ни про что пропадать.

– Семьдесят витязей! – пробормотал он, пришпоривая коня. – Семьдесят таких бойцов уложил ты, свет Мстислав Романович! Припомнят тебе это твои потомки...

“Распространились слухи о поражении русских князей на Калке, и стало известно о гибели семидесяти двух богатырей, и о междоусобных войнах в Русской земле, и о голоде, и о великом море, и об оскудении русских войск, и о ссорах между братьями, – о всех бедах Русской земли...

...А киевляне полегли костями на Калке с великим князем Мстиславом Романовичем и с другими десятью князьями... новгородцы же частью умерли голодной смертью, а живые разошлись по чужим землям, так же и Смоленск, и все другие города постигла такая же смерть, и вскоре опустели они...”

Тверская летопись «Повесть о битве на Калке, и о князьях русских, и о семидесяти богатырях».

Монголы дошли до Днепра, вырезая и выжигая все на пути. Затем повернули и ушли так же внезапно, как и появились. Последствия их набега были страшными. Южнорусские земли превратились в голую черную пустыню. Но еще большим потрясением для Руси была гибель семидесяти витязей. Рыцарство на Руси было единственным, что связывало восточных славян с арийской культурой их предков и не давало развалиться обществу в момент принятия новой религии, примиряя его с ней, амортизируя переход сознания в качественно новый уровень. Пока витязь держит свой меч, и смерд, и князь знают, что в безопасности и их имущество, и образ жизни.

Не все рыцари погибли на Калке, но лучшие из них, славнейшие, те самые, о которых слагались былины.

Началось шатание. Откуда ни возьмись, во множестве появились скоморохи, колдуны. На дорогах – вереницы нищих. Повсюду возрождалось язычество. Причем, в самых худших, развратных его формах. Еще слабая церковь не могла удерживать народ от пьянства и блуда, тиунов от – мздоимства, а князей – от произвола. Смерд, укравший или купивший меч, называл себя воином и выходил на большую дорогу. Тот, кто смог собрать еще десяток таких же, как сам, занимал деревню и объявлял себя князем. Да и князья пробавлялись от-

кровенным разбоем, не стесняясь разорять даже храмы.

Больше года Тороп с Даниилом странствовали по Руси, нигде подолгу не задерживаясь.

Царило запустение и разброд. На зарастающих беленой столбовых дорогах шайки обезумевших от безделья и безнаказанности лихих людишек не стеснялись нападать даже днем. По ночам в лесах горели костры и с визгом бегали голые девки. Даниил, с изумлением наблюдая эти игрища, говорил Торопу, что с настоящими ритуалами они не имеют ничего общего.

– Вы забыли своих богов, – говорил он. – А нового так и не полюбили. А может, просто не поняли. Нельзя верить тому, чего не понимаешь. Вы, русские, как дети – в вас нет мудрости. Вы с легкостью бросаете одну игрушку, чтобы ухватиться за другую. Так нельзя. Народ должен чтить своих предков и их опыт.

Тороп не спорил с ним. Он слушал.

Попович наставлял его тому, что воин всему должен учиться. Смотреть, слушать, запоминать. “Нет ничего, чтобы когда-нибудь не пригодилось, – учил Попович. – То, как двигаются листья на березе, и то, какой корень у резеды так же важно, как чужой язык или строение татарского лука”.

Тороп узнал, что прусские языки имеют много общего со славянскими, что у обоих народов раньше были одни боги. Что когда-то славянские вадимы, как и прусские вайделоты, записывали знание особыми знаками – рунами. Даниил по-

казал, как пользоваться односторонним мечом мазуров, рассказал, как прусские воины пользуются частыми в тех местах туманами.

– В этом мире только мы – пруссы помним обычаи предков. Мы – последние хранители древних богов, – говорил Даниил. – Только мы помним заповеди белых великанов.

– Каких великанов? – удивился Тороп.

Они сидели на берегу Днепра на холме, откуда хорошо просматривались стены Смоленска, купола его храмов с золочеными крестами. И все, о чем рассказывал Даниил, казалось Торопу чем-то сказочным, как песни слепых музыкантов. Да и само лицо Даниила в такие минуты становилось похоже на деревянных идолов, которых Тороп видел в новгородских лесах – темным, полным затаенной значительности.

– Давно, – сказал Даниил, – В те времена, которых никто не помнит, ибо не было еще у людей Памяти, а бродили они по земле дикими толпами, и лица их были темны, а сердца – во мраке, с Неба упала Звезда...

И родила Звезда великих людей. Рост их был выше сосен, а волосы белее снега, а глаза их светились, как небо в утренние часы. А имя им было – Ульмиганы.

И взошел старший из них на высокую гору, и окинул взором пески у моря, и многие реки полные рыбы, и многие леса полные дичи, и сказал: “Вот страна, достойная быть нам Родиной. Здесь мы построим наши замки. Ей отдадим мы свое великое знание. Ей посвятим мы свою небесную силу.

И зваться она будет отныне – Ульмигания”.

И взяли великаны темнолицых в подданные, и научили их строить замки, и выращивать хлеб, и делать одежду, и торговать. И приумножилось богатство той страны, и возросла слава ее, и счастливо жил народ ее.

Прошла тысяча тысяч лет. Стали великаны брать дочерей темнолицых себе в жены, и было у них много потомства, и разошлось оно по всей земле, но дети уже не были великанами, а только светлые волосы и синие глаза напоминали об их происхождении. И забыли люди своих предков.

Только одно племя, женщины которого носили в волосах украшения в виде луны и звезд в знак своего родства с Небом, помнило о древнем завете – вернуться в священные земли белых великанов и поднять утерянное людьми великое знание.

В огромном замке на берегу Немана нас встретила последняя из дочерей звезды – великанша Рагайна. У нее был ключ к тем землям. И только нашим воинам под силу было поднять его.

Даниил вдруг хмыкнул:

– Получается, что Ульмигания не только нам, пруссам родина, но всем, у кого белая кожа и светлые волосы. И тебе тоже. Захочешь вернуться – добро пожаловать.

“Украшения в виде луны и звезд... – думал Тороп. – Где я мог это видеть?”

И вспомнил – смеющееся лицо племянницы великого

князя юной княжны Анны – светлые волосы стянуты повязкой на лбу, и звезда, и под косой – месяц.

“Что это? Напоминание о родстве с великанами? Чушь! Бог создал человека, а не какая-то звезда! Язычество. И все же странно...”

Тороп засыпал, а ему все чудилась улыбка княжны, и звезда в ее лбу сияла.

“Тороп, – говорила княжна, увлекая его за собой, – Это правда, именно там, где морской ветер треплет сосны на песчаных холмах, а в густых дубравах живут страшные древние боги предков, там наш дом. Пойдем, Тороп, пойдем домой...”

“Ты же мертва! – отвечал Тороп. – Тебя ведь убили татары! Сгинь! Я не пойду с тобой”.

“Это здесь я мертва, – смеялась белолицая княжна. – А там, где еще стоят замки великанов, там нет креста, и люди живут вместе с духами и душами предков. Там мы сможем соединиться”.

Руки княжны дрожали, и яркие губы были открыты для поцелуя. И она звала. И звезда манила теплым светом. И Тороп почувствовал, что не может противиться...

Он проснулся от легкого толчка в плечо. По тому, как, растворившись в утренних звуках, насторожился Даниил, Тороп понял – неладно что-то.

Вскочили они на ноги, выхватывая мечи, одновременно. Из осинника, окружая полукольцом, выехали всадники

с пиками наперевес. Числом более десятка, веселые – явно хмельные.

– Кто такие? – рявкнул один.

– А ты сам-то кто будешь? – спросил Даниил. – Чтобы нас пытаться, мало сидеть в седле да пикой размахивать.

– Я тебе сейчас покажу, кто я таков! – озлился всадник.

– Покажи, – усмехнулся Даниил, – А мы посмотрим.

– Осади! – вдруг крикнул кто-то высоким ломающимся голосом. – Назад, я сказал!

Всадники раздвинулись, и в проходе показался витязь примерно одних лет с Торопом в богато изукрашенном чернью и серебром шлеме и тонко связанной дорогой кольчуге. Он подъехал почти вплотную к Торопу и Даниилу и, капризно скривив губы, разглядывал их. Потом, будто что вспомнил, взгляделся в Торопа. В глазах его мелькнула насмешливая злость.

– А ты не тот ли Тороп, что в дружине Поповича служил? Тороп промолчал.

– Тот, – то ли улыбнулся, то ли скривился витязь. – А ты, значит, Даниил, старый Поповичев приятель.

И вдруг широко, по-доброму улыбнулся:

– Слава ваша впереди вас бежит. Слышал я, как вы банду смердов в муромских лесах изрубили. Славно поработали. А не хотите ли, я вас трапезой угощу? Тут недалеко мои палатки. Мед у меня знатный, да и вино заморское есть. Пойдем, други! За честь почту таких воинов привечать. Возле себя

посажу.

– Спасибо, княжич, – сказал Даниил. – Но мы уже и сами завтракать собирались.

– Не откажете же вы мне! – напряженно сказал витязь.

– Бог с тобой, княжич, – согласился Даниил. – Конечно, не откажем. Просто не хотелось быть в тягость.

– Какая там тягость! – обрадовался княжич. – Ну, так что, поехали?

– Езжайте, а мы за вами. Только скорб наш нехитрый соберем.

Княжич пытливо посмотрел на Даниила и, круто повернув коня, ускакал. Дружина – за ним.

– Невелика честь... – пробормотал Тороп.

– Да ты, знаешь ли, кто это? – спросил Даниил.

– Догадываюсь. Алексашка Ярославич, сын великого князя владимирского.

– Верно. И то знаешь, что не отстал бы он теперь от нас?

– И то знаю.

– Ну, а раз ты такой умный, поехали пировать. Делать нечего. Может он и не держит на нас зла за порубленную дружину своего дяди.

– Яблоко от яблони недалеко падает, – сказал Тороп. – Мечи нужно будет под рукой держать.

Шатер у княжича был белый, тонкой восточной ткани. Угощал он рябчиками, да медами разными. Было и вино заморское – красное, как кровь. Но Тороп с Даниилом боль-

ше пригубливали, чем пили, следя за передвижениями дружинников. Не то княжич – тот удержу не знал, пил так, будто и не с раннего утра за стол уселся, а ближе к ночи, после ратных трудов. А напившись, стал Торопа задирать: пойдём, мол, испробуем, чей меч ловчее, да чья рука тверже? Тороп отнекивался, ссылаясь на усталость, но княжич не отставал:

– Или боишься меня? Даром что ли люди говорят, будто нет тебе равных во владении мечом? Будто Попович секрет тебе какой-то передал?

Слово за слово, всем стало ясно, что княжич не на шутку распалился. Белое лицо его покраснелось, и видно было, что он вот-вот сорвется на оскорбления.

– Ладно, – неожиданно для всех сказал Тороп. – Попробуем мечи.

Княжич вскочил, опрокидывая жбаны с напитками.

– Сейчас!

– Сейчас, так сейчас, – сказал Тороп. – А ты не слишком хмелен для этого?

– А мне что хмельному, что трезвому – все едино.

Бились тут же, перед палатками. Тороп быстро понял, что намерения у молодого княжича совсем не шуточные. Пару раз, когда следовало бы опустить меч, чтобы дать развернуться противнику, Ярославич работал им наотмашь, сзади, так, что Тороп едва успевал пригнуться, чтобы не сложить тут же голову. Поняв, что дело может кончиться дурно – княжич вынуждал его работать всерьёз, Тороп концом ме-

ча, приемом, который действительно передал ему Попович, подцепил меч княжича за гарду, выбил его из руки и, коснувшись незащищенного кольчугой участка шеи Александра Ярославича, сказал:

– Все, закончили. Я устал, княжич. Признаю, что ты очень неплохо знаешь свое оружие.

– Да, – подхватил Даниил. – Если б ты, княжич, не был так хмелен, наверняка бы осилил Торопа.

Слова Даниила немного остудили обстановку, и Александр даже улыбнулся криво, приглашая их продолжить трапезу. Улыбка была нехорошей.

– Осторожнее, – тихо сказал Даниил, когда они подходили к шатру.

– Вижу, – так же тихо ответил Тороп.

В продолжение завтрака Ярославич продолжал поглощать заморское вино, уговаривая при этом Даниила с Торопом идти к нему на службу.

– Отец заставит новгородцев считаться с нами, и они перестанут заигрывать с немцами, – говорил княжич.

– Тогда он посадит в Новгород меня. Великий Новгород будет у меня здесь! – сжимал он кулаки.

– Я им, смердам, покажу вольности! Мне нужна хорошая дружина. Такая, как была у Поповича. Я поставлю тебя воеводой! – хмельно заглядывал в глаза Торопу Ярославич.

Тороп только рассеянно кивал головой. Княжич мутно и зло смотрел на него, опрокидывал в рот кубок, и снова начи-

нал расписывать прелести своего будущего княжения в Новгороде. Тороп вышел до ветру.

Солнце перевалило за полдень, и он досадливо удивился – как быстро идет время за столом! Был июнь. Травы – по пояс, но никто не думал их убирать. Что-то сломалось в русской земле, – думал Тороп. Как-то все не так. Будто перед великой бедой.

Он возвращался к палаткам, когда почувствовал сзади движение. Не услышал, а именно почувствовал, оно было очень осторожным. Это заставило его резко развернуться и выставить руку, уводя в сторону торс.

Кисть, которую перехватил Тороп, принадлежала одному из дружинников Александра Ярославича. В ней был зажат длинный нож.

– Я хотел тебя проверить, – осклабился дружинник.

– Ага, – сказал Тороп. – Я понял.

Он улыбнулся, дернул кисть на себя, а другой рукой, локтем сильно ударил дружинника в предплечье. Кость хрустнула, и рука дружинника неестественно выгнулась. Тот даже не успел понять, что произошло. Он посмотрел на свою руку, а Тороп, все еще не отпуская ее, ногой вогнал зубы дружинника ему в рот. Захлебнувшись, тот упал в траву.

– Вот чего-то такого я и ждал, – сказал появившийся Даниил. – Ждал, да недоглядел. Извини, брат.

– Ничего, – сказал Тороп. – Я был готов к этому. Не забыл, выходит, княжич нам ни Юрюту, ни Ратибора, ни срод-

ственников своих.

– И этого не забудет.

– Бог ему судья...

– Лошадей я не расседывал, – сказал Даниил. – А у княжича коня подпругу подрезал. Поехали?

Скоро они уже плыли, переправляясь через Днепр.

Пьяный княжич не сразу их хватился. Да и хватившись, не стал догонять – эти двое могли принести ему гораздо больше неприятностей, чем он им. Александр Ярославич затаил обиду, уверив себя в том, что когда-нибудь они еще встретятся, и уж тогда он отомстит за все.

Пройдет много лет, прежде чем такой случай ему представится. А пока Тороп и Даниил держали путь на запад, в загадочную страну воинов – Ульмиганию, как ее называл Даниил, или Пруссию, как звалась она у других народов.

Литовцы спустили их на лодке вниз по Неману. Сделали они это нехотя, уступив мерцанию тяжелого рубля в руке Даниила. Река была широкой, спокойной и свободно катила воды сквозь нехоженные дубравы. Тороп уже не удивлялся тому, что земля здесь почти не обработана, а присутствие человека на ней незаметно. Пока проходили Литву, он видел, что народ ее живет бедно, без прихотей, довольствуясь тем, что давала дикая природа.

Торопу наскучили однообразно заросшие лесом берега реки, и он задремал. Разбудила его странная, нависшая в воздухе тревога. Гребцы, насупившись, вглядывались в левый берег, где за деревьями виднелись мрачные, массивные развалины из гигантских валунов. Взмахи весел стали реже.

– Чего они испугались? – спросил Тороп Даниила.

Даниил пожал плечами:

– Кто их знает?

Он спросил что-то по-литовски у старшего из гребцов. Тот ответил.

– Он говорит, – сказал Даниил. – Здесь особенно свирепствуют прусские дозоры. Никому из них не хочется попасть в рабство.

– Но ведь они не будут выходить на берег.

– Конечно. Я думаю, дело не в дозорах. Мы уже давно в

Пруссии. Литовцы боятся замка великанов. Они считают его заколдованным. Вот смотри, дальше того места, на котором мы сейчас находимся, они не поплывут. Если это не так, значит, за мое отсутствие здесь произошли большие перемены.

Словно по его команде лодка повернула к берегу. Даниил засмеялся и закричал:

– Хвала тебе, могущественный Перкун за то, что хранишь священную Ульмиганию неприкосновенной.

От страсти, так явно прозвучавшей в его голосе, Торопу стало не по себе. Он впервые всерьез задумался над тем, что на шее у него крест, а едет он в закрытую от всего мира бдительными дозорами и заколдованными замками, языческую страну.

Тем временем лодка ткнулась носом в береговой песок. Отсюда руин не было видно, но Тороп ясно ощущал их присутствие. Кроме того, чутье воина подсказывало, что следят за ним не только развалины древнего замка. Где-то близко были люди, и он чувствовал исходящую от них опасность.

Литовцы оттолкнулись веслами от пляжа и торопливо выгребли на середину реки.

– Тут кто-то есть, – тихо сказал Тороп Даниилу.

– Знаю.

Из зарослей вышел большой темный волк. Тороп положил руку на рукоять меча.

– Спокойно, – сказал Даниил. – Он не сделает нам ничего плохого.

Не дойдя до витязей, волк остановился, понюхал воздух и, как ни в чем не бывало, побежал по берегу вдоль реки.

– Это Скаловия – страна склавинов,– сказал Даниил.– Они издревле дружат с волками. Но это мог быть и не волк, а местный вайделот. Хорошо, что ты не напал на него.

Кустарник, поднимавшийся по откосу, переходил в лес, мрачно нависший с высоты. Громко и внятно в нем прокричала кукушка.

– Это не птица, – сказал Тороп.

– Молодец,– сказал Даниил, вглядываясь в заросли. – Кстати, здесь меня зовут Дилинг.

Потом он громко сказал что-то по-прусски. В следующее мгновение лес, не шевельнув ни единой веткой, выпустил трех рослых русобородых мужчин.

Тороп немного разочарованно разглядывал воинов, о которых столько слышал от Даниила. Ни кольчуг, ни шлемов, ничего сколько-нибудь похожего на доспехи, на них не было. Все трое были в островерхих войлочных колпаках и грубых рубахах с нашитыми на плечи и грудь пластинами из толстой кожи. Они походили бы на литовцев, если б короткие мечи на поясе и манера, с которой воины держали свои тонкие метательные копья, не выдавала в них привычных к оружию людей. И все же Тороп думал, что без труда справился бы с ними в одиночку. И это – хваленые прусские витинги, о которых с одобрением отзывался даже Попович?!

Пока Дилинг разговаривал с дозором, Тороп прислуши-

вался к непонятной, но чем-то похожей на славянскую, речи. Иногда ему казалось, что он различает знакомые слова, однако смысла их Тороп не успевал уловить.

Постепенно напряжение, висевшее в воздухе, рассеялось, и вскоре Тороп с Даниилом – Дилингом в сопровождении дозорных шли через лес к небольшой засеке в глубине дубравы.

Засека была примитивной, похожей на те, какие соорудили бродники на зимних стоянках – холм, окруженный небольшим рвом и частоколом.

Пока Дилинг ходил договариваться о покупке лошадей, Тороп прилег с внешней стороны ограды на траву. Чистое небо в редких разводах прозрачных перистых облаков чертили стрижи и ласточки. Изредка пробовал голос соловей.

Лошади оказались неказистыми, невысокого роста, с крупной коротко посаженной головой. Дилинг отмахнулся:

– Доедем до Твангсте, там обменяем.

И замолчал, сосредоточенно глядя себе под ноги.

Тороп приготовился к неприятным известиям.

– Вот какое дело.., – медленно проговорил Дилинг. – Я еще не понял, что происходит, но у меня такое чувство, что кому-то наш приезд не нравится.

Тороп почему-то вспомнил, как трепетали ноздри волка, когда тот принимался к нему.

– Мы ведь не успели сделать и шагу в этой стране, – сказал он.

– Да, – сказал Дилинг. – Может я и ошибаюсь. Однако нам посоветовали прежде, чем ехать вглубь страны, посетить замок Рагайны.

– Где это?

– Ты видел его. Те стены, что видны за лесом, это и есть замок, построенный когда-то великанами.

– Рагайна – какой-то князь?

– Рагайна – женщина. Я тебе как-то рассказывал о ней. Последняя великанша, от которой склавины получили право владения долиной Немана. Она умерла много сотен лет назад, но замок по-прежнему носит ее имя. Склавины даже говорят, что душа ее не переселилась к предкам, а до сих пор живет в замке, охраняя его от врагов.

– Ты в это веришь? – улыбнулся Тороп.

– Нет. Я витинг, а не вайделот, и больше верю своему мечу, чем заклинаниям и духам.

– Тогда зачем нам в этот замок?

– Не знаю. Это меня и настораживает.

– Мы можем не поехать?

– Для того чтобы добраться до моего племени – вармов, нам нужно проехать Скаловию, Надровию и Самбию. Мы еще не успеем удалиться от замка на полдня пути, а вайделоты всех этих земель будут знать, что мы послушали их собрата склавина. Это может плохо кончиться.

– Понятно, – сказал Тороп. – Поехали, раз надо. Если только эти клячи не издохнут по дороге.

Оказалось, что до замка Рагайны ехать дальше, чем думал Тороп. Неман в этом месте изгибался широкой петлей, и приходилось делать крюк вместе с ним.

В дороге Тороп все-таки не выдержал и съязвил:

– В твоей стране волхвы сильнее воинов, Даниил?

– Да, – сказал тот серьезно. – У вайделотов столько власти, что вашим попам и не снилось. Каждый витинг должен отдать жрецу своего племени половину добытого в бою.

– Поэтому вы и нанимаетесь в другие народы?

– Не только из-за этого. Долго объяснять... Да ты и сам все увидишь.

Тороп понял, что Дилингу неприятен этот разговор, и до самого замка они ехали молча. Каждый думал о своем.

Вблизи руины оказались еще больше и массивнее, чем представлялись издалека. Стены из валунов, многие из которых были с хорошую избу, высились над кронами деревьев, и можно было только догадываться, какими они были в момент постройки. Сохранившаяся арка ворот была несколько сажень в высоту. Туда спокойно могла въехать любая из осадных башен, какие приходилось видеть Торопу. Но больше всего поразило его то, что камни стен были хорошо пригнаны друг к другу, чего невозможно было добиться, пользуясь обычными приспособлениями – лебедками или рычагами. Казалось, какой-то гигант – строитель, для которого и была впору эта арка, брал валуны руками и ворочал их, перебирал, находя единственно нужный. Тороп задумался: не

правда ли то, что он считал сказками о великанах?

В воротах стоял юноша в белой одежде и с длинными соломенными волосами. Кивком он пригласил их за собой и повел вглубь замкового двора, к остаткам одиноко стоявшей среди развалин башни.

Дилинг нервно шарил глазами по стенам. Тороп тоже подозревал, что на них за рассыпавшимися камнями кладки прячутся витинги, но понимал, что тревожит его вовсе не это. Какая-то противная дрожь звенела у него внутри. Явственно ощутимая физическая тревога давила голову, и от нее закладывало уши. С каждым шагом, приближавшим Торопа к башне, его движения замедлялись, а все становилось похожим на сон.

Тороп опустил взгляд со стены и обнаружил, что никакого юноши уже нет, а стоит перед ними древний старик в такой же белой одежде и держит в руках два платка.

– Вам нужно завязать глаза, – сказал старик, протянув платки Торопу и Дилингу.

Тороп удивился тому, что понял его, а потом сообразил, что старик произнес фразу, не открывая рта.

Они слезли с коней, и одели повязки. Старик помог завязать их. Потом легко подтолкнул. Тороп с Дилингом сделали несколько шагов и встали. Было тихо. Тороп уже хотел сдернуть повязку, раздражавшую его тем, что от нее шел приторный удушливый запах, но вдруг раздался скрежет, пахнуло сырым холодом, а Тороп почувствовал, что под ногами у него

ничего нет, и он падает.

Приземление было мягким. Они упали на какие-то тюки, набитые шерстью. Тороп вскочил на ноги и, срывая платок с лица, выдернул меч. То же сделал и Дилинг.

Они стояли в начале длинного, тускло освещенного коридора, полого уходившего вниз, к ярко горевшему костру.

Тороп посмотрел вверх, но ничего, кроме темноты, не увидел.

– Ну и что? – спросил он Дилинга.

Тот, не ответив, двинулся вперед. Зал, в который упирался коридор, был огромным. Стены и потолки его терялись в темноте, едва тревожимой неровным светом костра. Дыма, однако, не чувствовалось – где-то была вентиляционная шахта. Костер освещал только большой плоский камень и сложенную рядом из черепов людей и животных пирамиду, увенчанную вороном. Его красные глаза светились. На полу, поджав под себя ноги, сидел обритый наголо мальчик лет семи и большим грубым ножом строгал палку. Он посмотрел на Торопа и улыбнулся.

– Что тебя привело в Ульмиганию, чужеземец? – раздался голос. Как и в прошлый раз, голос не принадлежал никому. Он был ни детским, ни мужским и ни женским, и шел отовсюду. Более того, Тороп вдруг понял, что слышит не членораздельные звуки, а странный тихий гул, обладавший ясным смыслом.

– Я – Дилинг из рода Выдры племени вармов, пригласил

его погостить в своих землях, – сказал Даниил.

– Неправда, – голос был ровным и бесстрастным. – Молодой воин из русов покинул свою страну потому, что ему грозил мстью сын могущественного князя, а в битве с желтым народом погибли все, кто мог заступиться за юного витинга. И другая неправда – у тебя нет земель, Дилинг из вармов, ибо ты был изгнан Великим Кривой из Ульмигании за то, что втянул свое племя в братоубийственную войну с бартами, тем самым нарушив заповеди короля Вайдевута¹. Что тебе нужно в Ульмигании, чужеземец?

– Я сам ушел! – резко сказал Дилинг. – Никто меня не изгонял. А есть ли у меня земли, пусть решит на Совете род Выдры.

Мальчик отложил палку и удивленно посмотрел на Дилинга. Ворон зашипел.

– Бог Покол² терпелив к смертным, – произнес голос. – Он в третий раз спрашивает: что привело тебя в Ульмиганию, христианин?

– Я много слышал о прусском военном искусстве, – сказал Тороп. – Хочется посмотреть страну воинов. Возможно, мне удастся чему-то подучиться.

– Похвально. Согласен ли ты, снять с себя крест, согласен

---

¹ Вайдевут – полулегендарный вождь пруссов, вероятно, готского происхождения. Вместе с братом Прутено привел свое племя в Ульмиганию /ок.520 г./ и дал пруссам свод законов – заповедей.

² Покол – бог духов и призраков – носейлов.

ли забыть своего Бога, готов ли вернуться к вере предков?

– Нет.

– Ответ достойный витинга. Однако я должен тебя наказать за него. Ты увидишь страну воинов, но не прежде, чем убедишься в могуществе наших богов.

Ворон стал быстро расти, раздуваться – вот он уже размером с гуся – красные глаза вылезли из орбит, и вдруг беззвучно взорвался ослепительной вспышкой. Тороп закрыл лицо руками, уронил меч, и упал на колени, пригнувшись к полу.

Дилинг, для которого ворон сидел, как и раньше, на вершине пирамиды из черепов, бросился к Торопу:

– Что с тобой?

Тот тихо стонал, слегка раскачиваясь.

– Глаза... Очень больно глазам.

– Покажи, – тормошил его Дилинг. – Открой лицо, я посмотрю, что с глазами.

Тороп поднял голову и повел ею вокруг.

– Я ничего не вижу, – сказал он. – Даниил, я ослеп! Я ничего не вижу, Даниил! Что это?

Зарывав от ярости, Даниил вскочил на ноги.

Мальчик исчез. Дымилась, догорая, палка, которую он строгал.

– Сучье племя! – кричал Дилинг. – Ты где?

Ворон расправил крылья, но взлететь не успел – меч Дилинга рассек его на две половины. Обе они, скатившись по пирамиде, трепыхались и подпрыгивали на булыжном полу.

Следующий удар пришелся по горке черепов. Те из них, что оказались не расколотыми, глухо стуча друг о друга, покатились в разные стороны.

– Дилинг! – в голосе слышались плохо сдерживаемые визгливые нотки.

– За осквернение жертвенника ты умрешь!

– Где ты? – кричал Дилинг. – Покажись!

– Ты издохнешь, Дилинг! Но не сейчас, не надейся. Ты умрешь тогда, когда тебе особенно захочется жить!

Дилинг выхватил из костра головню и обежал с ней зал. Стены казались глухими, без намека на какие-либо ходы. Даже тот коридор, которым они попали сюда, пропал.

Дилинг знал, что, скорее всего это наваждение, напущенное вайделотом, и все-таки ощупывал трещины в кладке, надеясь отыскать тайную дверь.

Появился запах мяты. Он становился гуще, навязчивее. Подозревая в нем очередной подвох жрецов, Дилинг старался дышать реже, неглубоко, и все же движения его становились медленнее, руки немели и плохо слушались. Он уронил меч. Цепляясь за остатки сознания, добрал до, стоявшего на коленях Торопа, и упал рядом с ним.

Немного времени спустя в подземелья замка Рагайны пришли витинги склавинов. Лица их были скрыты повязками из плотной шерсти. Общаясь жестами, они убедились в том, что Дилинг с Торопом спят, погрузили их на носилки и вынесли на поверхность, к повозке, тут же направившейся к Неману.

На то самое место, где литовцы высадили воинов.

В ту же ночь, ближе к рассвету, Дилинг, надежно упрятав друга на одном из островков болотистой долины выше по реке, вернулся к замку. Но, ни вайделота, ни его прислуги, ни вообще каких бы, то ни было, признаков людей не нашел. Холодная тупая злость душила его, однако он не поддался искушению идти одному на засеку склавинов. Пропади он, и слепому Торопу никогда не выбраться из болот.

А Тороп, лежа лицом вниз на заросшем камышом острове, плакал.

Два месяца ни о Дилинге из вармов, ни о юном рутене³, вайделот склавинов ничего не слышал, хотя постоянно просил собратьев по касте из других племен сообщать о любом подозрительном витинге и слепом, появившихся в их пределах. Он бы уже забыл о них – сгнули где-то или, испугавшись еще большего гнева богов, ушли из Ульмигании – но предсказание носейлов, полученное им в замке Рагайны о том, что варм погибнет позже, в то время, когда ему захочется радоваться, заставило жреца снова обращаться к вайделотам всех земель.

В день, когда с полей богатой долины Немана убрали последний сноп ячменя, склавины готовились выпить остатки прошлогодних запасов пива и готовили козлов к жертвоприношению, а их женщины, надев на себя все украшения, пекли сомписины⁴ из свежей муки, вайделот проснулся не в праздничном настроении. Главному жрецу Скаловии приснился дурной сон. Привиделось ему, будто проснулся он, а на груди его сидит огромный мокрый тритон и скалит зубы.

“Уйди, – говорит ему вайделот. – Именем Потримпа⁵, твоего властелина, заклинаю – уйди!”

---

³ Рутены – так пруссы называли восточных славян, русских.

⁴ Сомписин – хлеб из муки грубого помола.

⁵ Потримп – бог вод.

“Нет, – говорит тритон. – Я не подчиняюсь твоему Потримпу, не мой это бог”. И вдруг как бросится, да как вцепится вайделоту в глотку...

Жрец не очень верил снам, а толкование их держал для простых пруссов. Доверял только носейлам и богам, да собственным предсказаниям, сделанным в моменты связи с высшими силами неба и преисподней. Однако сон не шел у него из головы и сильно портил предвкушение подарков и жертвоприношений к празднику.

Солнце начало скатываться на западную половину неба. В поселке Склавегарбе – столице племени – уже раздавались веселые возгласы. Пруссы несли подарки Курче⁶.

Жрец с прислугой, выполнявшей и роль охраны, отправился на вершину холма, в священную рощу, где были установлены статуи богов.

На удары бубна к холму потянулись люди из окрестных деревень. Каждый нес на плечах или в корзине жертву соответствующую своему положению и достатку – кто козленка, а кто и рыбу. Князь был в походе на жмудь⁷, но от его дома принесли на заклание туренка.

Процедура, как и положено, затянулась до сумерек. Убедившись в том, что все жертвы приняты, и никто из пришедших не обижен, вайделот руками набрал в красный горшок

---

⁶ Курче – божество плодородия, прячется в последнем снопе убранного урожая. С последним снопом пруссы освобождали Курче из заточения.

⁷ Жмудь – балтийское племя, родственное литовцам, жемайты.

горячих углей из костра и под радостные крики соплеменников понес священный огонь к реке. Подошло время для подарков Потримпу и Неману.

Высыпав угли из горшка на подготовленный мох, вайделот раздул огонь и положил на него ячменный сноп. Тот вспыхнул. Курче был освобожден, а жертва принята Потримпом. Пока в костер подкладывали ясеновые и дубовые дрова, жрец взял сплетенный из тростника небольшой плотик, установил на него хлеб из нового урожая, поджег лучины по краям и положил на волну. Пруссы запели торжественную ритуальную песню, но на первых же словах нестройно стихли – плот, крутнувшись на месте, вдруг накренился и боком, шипя лучинами, ушел в воду. Вайделот оцепенел. Рядом с ним кто-то ахнул, а в толпе испуганно вскрикнула женщина. Положение спас хорошо тренированный и сообразительный служка, мгновенно подсунув под руку вайделоту новый плотик с уже зажженными лучинами.

Жрец дрожащими руками положил его на спину Немана, шепча заклинания и просьбы о милости. Неман покачал жертву и медленно, будто нехотя, понес ее вдоль берега. С опозданием зазвучала песня. Зашипело, забулькало разливаемое по жбанам пиво. Взвизгнула первая облапанная девица. Один за другим по реке поплыли освещенные лучинами хлебы – десяток, два, пять десятков, вереница светящихся плотиков, пританцовывая на легкой волне, отправилась вниз

по Неману, к заливу Руса⁸. Расстроенный вайделот, пользуясь тем, что склавинам было уже не до него, незаметно покинул праздник. Слуга его, должность далеко не последняя в племени и не всегда пользующаяся любовью, ибо занимать ее мог только выходец из самбов⁹ – чужак, в совершенстве владевший, как оружием, так и тайнами рун, неохотно, но безропотно тоже покинул разгоравшуюся попойку.

Тут надобно заметить, что у этого самба – слуги и телохранителя вайделота – была тайная страсть к одной из жен князя, юной темноглазой ятвяжке¹⁰. Виделись они редко, украдкой, а приласкать друг друга могли только в такие вот праздники, когда все племя обпивалось пивом, и о моральных запретах заповедей Вайдевута мало кто вспоминал. Самб еще успел обменяться с женой вождя горячими взглядами, и даже шепнул ей что-то любезное, но углубиться в лес им не довелось. Вайделот направился к своей хижине и самбу, дрожавшему от неутоленного желания, пришлось плестись за ним, проклиная в душе и свое предназначение, и мнительность жреца. Мысль его стремилась к берегу реки, а тело распирало любовной жаждой. Это вот греховное томление и сгубило самба.

Жрец уединился в хижине, а самб, присев на корточки у

---

⁸ Залив Руса – прусское название Куршского залива.

⁹ Самбы – одно из одиннадцати прусских племен. Жили на полуострове и отличались особой приверженностью военным искусствам.

¹⁰ Ятвяги – прусское племя.

входа, прислушивался к звукам веселья, доносившимся со стороны Немана. Поэтому, когда он, наконец, услышал движение с другой стороны, было уже поздно – нож аккуратно вошел ему в сердце, пробив оба желудочка, и повернулся там. Слуга тихо завалился на землю.

Вайделот в это время подбрасывал в очаг кусочки янтаря и змеиной кожи, изо всех сил стараясь достичь того состояния, когда сознание, отделившись от брэнной оболочки, растворяется в дыму и вместе с ним взлетает, соединяясь с волей богов, когда все сущее становится прозрачно и доступно пониманию... Но у него не получалось. Голова настойчиво пыталась понять загадку исчезновения варма и слепого русского воина, а память возвращалась к тритону во сне и тонущему плотнику с хлебом.

Жрец понял, что тщетно пытается добиться внимания богов, и оставил эти попытки. Теперь он просто смотрел в огонь и думал. В эти минуты к нему и пришло странное ощущение того, что в хижине он не один. Вайделот повернул голову и с изумлением уставился на дрожащую в мерцающем свете и дымном воздухе фигуру витинга с железной головой.

Жрец не подумал о дыме. Он подумал о том, что молился, и боги прислали к нему кого-то из духов.

– Кто ты? – спросил он. – Кто тебя прислал?

Витинг взялся обеими руками за голову и снял ее. Только тут до вайделота дошло, что никакая это не голова, а шлем, никогда им не виданный, закрывающий железной маской все

до самой шеи, но шлем. А под ним скрывалось юное лицо ослепленного им воина. Оно было бледным, и незрячие глаза отсутствующе смотрели поверх головы жреца.

Жрец хотел превратиться в волка, напустить наваждение, раствориться с дымом, но вдруг в ужасе осознал, что воин слеп и ничего не увидит.

Он осторожно, боясь дохнуть, встал и сделал шаг к двери. Жрец мог бы догадаться, что Тороп только того и ждал. Слух и чутье воина, и без того чрезвычайно острые, теперь, в слепоте, были настроены на малейшее движение воздуха. Вайделот мог это предусмотреть, он был стар и повидал много воинов в своей жизни, но страх глушит разум даже мудрейших.

Тороп коротко взмахнул рукой, кнут щелкнул и выбил вайделоту правый глаз.

– О-о!... – закричал жрец. – О, боги!

Крик оборвал другой щелчок кнута. Жрец взвыл и завертелся на месте.

– Ты умрешь, но не сразу, – хоть и с акцентом, но по-пруски сказал воин.

Жрец услышал это сквозь собственный вой и понял, что где-то уже слышал эти слова, но дикая боль не давала возможности вспомнить. Он только почувствовал, что его схватили за волосы, и что-то холодное чиркнуло по шее.

А когда на плечо толчками хлынула горячая волна, он понял, что это жизнь – его, вайделота, священная и неприкос-

новенная жизнь хлынула из него наружу, выпущенная жесткой рукой чужеземца, христианина. И еще он понял, что помощи ждать неоткуда – поселок пуст, а слуга наверняка уже мертв. И упал он на глиняный пол хижины, и затих, ожидая, пока слуги Пикола¹¹ подберут его.

---

¹¹ Пикол – один из триады верховных богов пруссов, бог преисподней и тьмы.

Убийство вайделота – явление, бывшее в Пруссии не просто чрезвычайным. Достаточно сказать, что этого не случилось на протяжении сотен лет. Весть о гибели вайделота склавинов быстро обошла остальные десять земель Ульмигании, стиснув страхом перед мстью богов сердца артайсов – крестьян, возбудив гнев и жажду мести у вайделотов и скрытое злорадство у князей и витингов. Верховный Жрец Всех Пруссов – Крива был в ярости и немедленно послал отряд самбов к склавином для тщательного разбирательства.

Самбы – рослые, угрюмые, по любому поводу хватавшиеся за меч, одним своим появлением навели ужас на жителей долины Немана, но истины так и не добились. Если не считать того, что, узнав о гибели своего соплеменника – слуги вайделота, они пришли в такую ярость, что чуть не перебили обитателей Склавегарбе, то их разбирательство в деле ни к чему не привело.

Никто не подумал о том, что дело-то не кончено. И еще не улеглось волнение по поводу смерти вайделота склавинов, как в другом племени, у бартов, случились события не менее пугающие и странные.

Один из вождей бартов – Рендал был на охоте в верховьях Анграпы. Ему с дружинниками удалось загнать Короля Оленей – зверя даже в тех местах исключительно редкого

и совсем неведомого в других странах. Покрытый длинной шерстью, в отличие от других видов, он превышал размерами лося, не достававшего ему головой и до холки. Добыть такой трофеей считалось несказанной удачей, и мясо его, как правило, отдавалось богам, а шкура и рога приносили в дом охотника вместе с почетом достаток и счастье.

Рендал с несколькими витингами ждал, когда рабы выгонят из липовой рощи оленя. Вместо этого, поигрывая дротиками, на них выехал рыцарь со сверкающей на солнце железной головой. Более всего Рендала поразило его лицо, где вместо глаз, носа и рта на гладкой стальной поверхности виднелись только тонкие вертикальные щели.

Первоначальная оторопь охотников по мере приближения неземного, как им казалось, воина перешла в суеверный ужас. А тот, подъехав на достаточное расстояние, метнул копья, и двое витингов по сторонам от Рендала со стонами рухнули с лошадей наземь. Никто не рискнул преследовать его, и воин со стальным лицом ускакал туда, откуда явился.

После Рендал все-таки преодолел страх и обыскал рощу, так как не мог понять – куда девались его рабы? Он нашел их мертвыми. Страшной силы удары мечом кому отсекали голову, а кого раскроили почти пополам. В страхе Рендал с дружиной помчался домой, в Гирдаву¹². В поселке при общем стечении его жителей, потрясенных неожиданной смертью витингов и рабов, Рендал рассказал об олене-оборотне, спра-

---

¹² Гирдава – позже г. Гердауэн – пос. Железнодорожный.

шивая совета. Мнения разделились. Воины советовали завтра отправиться к истокам Анграпы и попробовать задобрить Короля оленей. Вайделот настаивал на немедленном паломничестве в Ромову¹³ к великому Криве.

Вождь колебался. Сильный и опытный воин, он, тем не менее, обладал тщательно скрываемой нерешительностью, которую прятал под маской рассудительности. Обычно, в походах он ловко пользовался советами витингов, а в домашней жизни – указаниями вайделота. Но этот случай был особым. Погибли люди из его дружины, но не в бою, а при обстоятельствах явно сверхъестественных. Применять тут военный опыт или обращаться к жрецам – непонятно. Рендал воспользовался своим обычным приемом, отложил решение до утра.

Ночевать он, вопреки правилам, отправился не к одной из своих четырех женно¹⁴, а в большой общий дом для неженатых витингов. Выспаться ему не удалось. Всю ночь он ворочался, прикладывался к жбану с пивом, прислушивался к вздохам лошадей и храпу воинов, и думал, думал...

На рассвете, едва вождю Рендалу удалось задремать, его разбудил жрец. Оказалось, что он тоже всю ночь не спал, беседа с богами и духами предков Рендала. Те были категоричны – вождь должен собрать как можно больше добра и отнести в Ромову Криве. Только Верховный Жрец может огра-

---

¹³ Ромова – духовная столица пруссов, резиденция Верховного Жреца.

¹⁴ Женно – жена /прусск./

дить вождя и его род от оборотня.

Несмотря на скверное расположение духа, вождь не стал спорить с вайделотом. Еще ночью он решил, что попробует уладить отношения с оборотнем и богами. День Рендал собирался посвятить Королю оленей, а потом отправиться в Самбию к Криве. Он сознавал, что, вряд ли для успокоения оборотня нужно вмешательство Верховного Жреца, а вайделот, посылая его с подарками в Ромову, преследует какие-то свои выгоды. Но у Рендала были там и собственные интересы. Князя ненавидела одна из жен. Явление само по себе нелепое, она еще и сумела превратить в бесконечную пытку.

Милдена была у Рендала третьей. Он встретил ее на торжище в Твангсте, где собирался продать пригнанный от ляхов табун лошадей. Девушка поразила его хрупкой непрусской красотой. Тоненькая смуглая с большими черными глазами и толстыми косами цвета ворона, она буквально свела вождя с ума. Тут же выяснилось, что он хорошо знает ее отца – вармийского витинга по имени Яставт, человека знатного, но небогатого, из тех, что обладали многочисленными семьями и звались у пруссов “побрендинтами”¹⁵. Сходу, без всякого вступления, Рендал предложил ему за дочь лучшую из своих кобылиц. Тот отказался, сославшись на то, что у Милдены есть жених. Тогда Рендал, решив, что отец набирает цену, купил бочонок медовухи и, угощая Яставта, стал понемногу набавлять выкуп.

---

¹⁵ Побрендинт – букв. «обремененный» /прусск./

После двух дней жестокой попойки оба настолько одурели, что ударили по рукам при свидетелях, и один остался без табуна, а другой – без дочери. К несчастью для всех, самого предмета торга при этом не было. Отец отправил Милдену домой еще раньше.

Разъехавшись по своим землям и, наконец, протрезвев, оба схватились за головы. Рендал оттого, что вывалил за мергуззи¹⁶ небывалую цену, а Яставт – потому, что не знал, как теперь смотреть в глаза соплеменникам. У Милдены действительно был жених, молодой, но почитаемый всеми вармами за доблесть и отвагу, витинг. Очень скоро в этом пришлось убедиться и Рендалу.

Вождю было за тридцать, он имел детей от двух жен и был достаточно богат, чтобы выбрать себе третью. Но не за табун же лошадей! Рендал едва не рвал на себе волосы от досады. Однако делать было нечего, он отправился за невестой с мелкими подарками для родственников и жертвой богам, почитаемым вармами и родом отца невесты. Но, ни умиловать богов, ни увидеть новой жены Рендалу в тот раз не пришлось.

Уже виднелся залив Халибо¹⁷, на берегу которого примостился поселок Партегал, где жил Яставт, когда барты заметили, вышедший им навстречу, отряд вармов. При бли-

---

¹⁶ Мергуззи – девица /прусск./

¹⁷ Залив Халибо – прусское название залива Фриш-Гаф, Калининградского /Вислинского/ залива.

жайшем рассмотрении выяснилось, что вовсе не почетное сопровождение. Вармы были в боевом облачении и наготове держали оружие. Впереди скакал широкоплечий витинг, круглое лицо, которого явно не светило радостью.

Подъехав вплотную, витинг, сразу выделив Рендала по свадебным одеждам и родовому знаку на древке копья, без всякого приветствия заявил:

– Рендал, ты сделал не очень хорошо, когда напоил Яставта и взял с него обет отдать тебе дочь. Но и ты был пьян, а боги не слышат хмельных речей и не признают договоров во хмелю. Если ты согласен с этим, Яставт готов вернуть тебе лошадей, а я, в знак дружбы, подарю тебе кривой ляшский меч.

– А если не согласен? – спросил Рендал.

– Тогда нам придется драться. Мне бы не хотелось этого.

– Еще бы, тебе, молокососу, хотелось! – рассмеялся Рендал.

Он успел прикинуть, что людей у того меньше, чем в его дружине, да и сам варм, хоть и не слаб, все же – не чета вождю.

Рендал уже примирился с потерей табуна и не думал о нем, распаяя свое воображение юными прелестями стройной невесты. Но он был бы рад еще все повернуть назад. Однако хвастливый витинг с редкой рыжеватой бородкой раздражал его.

Ясно было, что это и есть тот самый бывший жених, о ко-

тором говорил Яставт. Хорошо был бы Рендал, поехавший на свадьбу и из-за какого-то юнца вернувшийся без жены!

– Прочь с дороги!– сказал Рендал. – Иначе я прикажу своим витингам надрать тебе уши!

Варм поднял меч. Его люди стали разъезжаться, освобождая место для боя.

– Ну что ж, – сказал Рендал. – Не хочешь, чтобы тебе надрали уши, тогда я их отрежу.

Он вытащил свое любимое оружие – большой тяжелый топор и, отпустив поводья, поиграл им, перекидывая с руки на руку, следя за реакцией варма. Но тот смотрел не на топор, а прямо в глаза Рендалу. И в этот миг Рендал понял, что проигрывает.

Так и случилось.

Довольно быстро варму удалось выбить из рук вождя топор, а потом, не дав выхватить меч, свалить Рендала на землю и прижать к его груди острие копья.

Если б варм убил Рендала, возможно эта история на том и закончилась. Но он отпустил вождя. А через несколько недель барты неожиданно вернулись. От разорения вармов спасло лишь то, что их предупредили натанги, чья территория разделяла эти два племени. Бартам удалось сжечь несколько вармийских поселений, но пройти всю Вармию до залива, не удалось. Возвращаясь домой, отряды Рендала напали на укрепления того рода натангов, что предупредили вармов об их наступлении. Через некоторое время на Бар-

тию обрушились, вступившие в союз, князя Вармии и Натангии. Барты не дремали и ждали их у своих границ вместе с галиндами.

Битва не состоялась. Вовремя подоспевшие самбы разделили враждующие стороны цепью из своих дружин, предъявили Кривулю – символ власти Верховного Жреца – и потребовали на суд к Криве зачинщиков усобицы.

Милдена досталась Рендалу. Но, ни счастья, ни супружеских радостей это ему не принесло.

Рендал набросился на нее сразу, как только они переступили порог предназначенной ей хижины. И наткнулся на взгляд полный ненависти. Казалось, она готова впиться в него зубами. Это, впрочем, остановило его ненадолго, и он сделал то, чего так ждал. Особого удовольствия это ему не доставило. Милдена была безучастна. В тот же день Рендал обнаружил, что новая женно почему-то не хочет говорить.

Восемь лет ни вождь, ни другие его жены, ни рабы не слышали от Милдены ни одного слова. Если ей что-то было нужно, она старалась это делать сама. Для нее не существовало никого вокруг, и она почти не выходила из своей хижины. Когда приходил Рендал, раздевалась, ложилась на спину и, стиснув губы, смотрела в дыру дымохода на потолке.

Рендал, обпившись пива, избивал ее. Не сразу. Поначалу он еще надеялся, что она родит ребенка и это поможет ей оттаять. Но год шел за годом, а Милдена не беременела. И тогда вождь напивался, шел к ней в хижину, кричал, требо-

вал произнести хоть слово, потом бил, насиловал и засыпал.

Чтобы заглушить страдания, Рендал взял четвертую жену – совсем девочку двенадцати лет из другого рода, но там же, в Гирдаве. Забавлялся он ею недолго. Однажды, увидев заметно повеселевшую, но по-прежнему молчаливую Милдену, вождь вошел к ней. И все возобновилось.

Так что у Рендала был еще один, не менее серьезный повод искать совета у великого Кривы.

Вождь приказал подготовить козла к жертвоприношению и стал собираться к верховьям Анграпы.

Оборотня он увидел, когда стоял посреди деревни и объяснял рабу, где собрать омелу. Вождь решил, что Королю оленей это подношение должно понравиться. А раб вдруг вытаращил глаза, глядя мимо Рендала, и побледнел. Рендал тоже обернулся.

Воин мчался через поселок, высоко держа в руке факел. Солнечные лучи, разбиваясь о его голову, брызгами летели в стороны, затмевая блеском огонь.

Все, кого это явление застало на улице, стояли, ошарашено разглядывая дымный след, зависший над поселком, и не сразу обратили внимание на приближавшийся грохот. А когда спохватились, было поздно, повозка с пылающей копной соломы, влекомая взбесившейся от страха лошадью, прошла уже половину деревни. Подпрыгивая на ухабах и разваливаясь, она роняла вокруг себя охапки огня, и тот весело набрасывался на шкуры, занавешивавшие вход в жилища, на низ-

кие камышовые крыши домов, кидался в ноги заметавшимся людям.

Пожар кончился так же быстро, как и начался. В прусских глиняных постройках, кроме кровель, сгоравших мгновенно, огню поживиться было нечем. Скот к тому времени уже выгнали на пастбища, так что ущерб был невелик. Сгорели несколько хижин, причем все принадлежавшие Рендалу. Люди его, однако, уцелели. Все, кроме Милдены. Ее не могли найти. Рендал послал обыскать окрестности, но женно не оказалось, ни в ближайшем лесу, ни в огородах.

Вождь смутно подозревал, что появление в Гирдаве железноголового воина, пожар и исчезновение Милдены как-то связаны. Но каким образом, не понимал. Одно он знал теперь наверняка – чтобы не навлечь на род и деревню еще большие напасти, нужно задобрить чем-то обиженного Великого Оленя.

Сопровождение из витингов он оставил в Англете, поселке на берегу озера, откуда Анграпа берет начало. В лес Рендал пошел один. Долго искать оборотня не пришлось. Тот встретил вождя на небольшой поляне в лесу, недалеко от Англеты.

Рендал слез с коня, снял козла со спутанными ногами, вывалил на землю из мешка пучки омелы, и склонил голову в знак почтения. Глаз, однако, не опустил – вглядывался в воина, сидевшего на высоком стройном жеребце в седле не прусской работы. Сомнения стали ворочаться в душе вождя. Он

разглядел на оборотне кольчугу с наплечниками и нашитыми на грудь стальными бляхами, кольчужные голицы и щит, хоть и круглый, но больше обычного скайтана¹⁸ и обитый железом. Все – предметы, презираемые пруссами, привыкшими больше полагаться на силу и ловкость, чем на качество бруньи¹⁹.

Пока Рендал пытался понять – откуда у местного оборотня чужеземные доспехи, тот спрыгнул с коня и отбросил голову в сторону. Вождь не видел, как она покатилась по траве – не мог отвести глаз с открывшегося лица воина.

– Дилинг?!

Тот вытянул меч. Утреннее его появление с факелом, пожар, исчезновение Милдены – все встало на свои места. Рендал рванул меч из ножен.

Труп Рендала с глубокой раной в груди нашли поутру женщины Англеты, выпасавшие в лесу коз. Их привлекли отчаянные вопли голодного, очумевшего от запаха крови, связанного козла.

---

¹⁸ Скаитан – небольшой круглый щит пруссов.

¹⁹ Брунья – военное снаряжение, доспехи.

В отличие от неизвестно кем и когда построенных замков Хонед²⁰ или Рагайна, городище Твангсте было почти не укреплено. Многоликий и разноязычный город на правом берегу Преголлы²¹ хранил только частокол, да громкая слава самбийских витингов, на чьей территории и устроился Твангсте. Впрочем, городище давно уже расползлось за пределы ограды, а самбы старались не вмешиваться в ход его жизни, и бывшее укрепление в устье реки, поставленное Великим Воином Само²² для защиты Ромовы от вторжения с юга, превратилось в большое торжище. Сюда стекались товары и купцы Прибалтики и Скандинавии. Балты везли мед и меха, нордманы – ткани, оружие и рабов. Здесь же у морских волков был и свой поселок, где они отдыхали после набегов на христианскую часть Европы, пополняли дружины, продавали и обменивали добычу. Многие из тех, кто владел домами и складами в поселке нордманов, родились тут же, в Твангсте и никогда не видели скалистых берегов своей родины. Связи Ульмигании и Скандии были столь давни-

---

²⁰ Замок Хонед – на берегу залива Фриш-Гаф, на его руинах построен замок Бальга.

²¹ Преголла – прусское название реки Прегель.

²² Само – второй из двенадцати сыновей короля Вайдевута, легендарный пра-родитель самбов.

ми, а культура и верования так схожи и настолько укреплены родственными отношениями, что поклонники Одина не чувствовали себя в гостях в стране Перкуна. У обоих народов были одни ритуалы, одна письменность – руны, один кумир – меч, и один враг – христианство.

К тому времени новая религия сильно потеснила воинов Скандии, заставляя тех, кто остался верен себе, искать новые земли. Многим из них Ульмигания стала прибежищем. Наводившие ужас на города запада Европы морские волки и свирепые пруссы, которыми пугали детей матери в славянских странах, мирно и весело уживались в Твангсте. А когда крещеные даны, решив облагодетельствовать пруссов крестом, высадились на западном берегу Самбии, их соплеменники – язычники из Твангсте и других колоний вместе с самбами яростно бросились защищать Ульмиганию. И даны навсегда забыли дорогу к Витланду²³, предпочтя иметь дело с более робкими северными соседями пруссов.

Дилинг был вармом. Но его род – род Выдры, был тесно связан с одним из родов нордманов. Когда барты Рендала выступили против вармов, дружина морских волков помогла

---

²³ Витланд – вульгарно: «Страна воинов» – западная часть Самбии. Примечание к Витланду – так было принято переводить этот топоним в те времена и позже. На деле этимология слова «витинг», от которого произошли “витязь” и “викинг”, древнее и значит «беловолосый» (см. древнеисландское “Hwitingr”). Во времена, предшествовавшие описанным, у народов бассейна Балтийского и Северного морей топоним Витланд значил – “Страна белых людей” или, проще «Белая страна» /ср. англ. «Witeland»/

Дилингу отразить нападение. Помогли нордманы и в другой раз, когда вармы, подчиняясь приказу Кривы, были вынуждены изгнать Дилинга. Родственники из поселка скандиан в Твангсте устроили опального витинга на одну из лодей, ухажившую торговать в Рутению. Скандиане называли эту страну Гардарика. Палочка с насечками–рунами, врученная Дилингу в Твангсте, помогла ему занять сразу достойное место в дружине одного из князей рутенов.

Деловая жизнь кипела в центре Твангсте, в торговых рядах, а на окраине, в поселке морских волков, пруссы появлялись редко. Так что Дилинг какое-то время мог пользоваться гостеприимством нордманов. Но он понимал, что, в конце концов, Крива умом ли, с помощью ли богов вычислит его, и тогда неизвестно, как поведут себя нордманы. Вряд ли они захотят навлечь на себя гнев Верховного Жреца и станут защищать дальнего родственника варма. И хотя Бьорн, хозяин склада, где прятались Дилинг с Торопом, не выказывал опасений на сей счет, с каждым днем Дилингу становилось все тревожней. Единственное, что удерживало его в Твангсте – слепой Тороп. Дилинг не мог придумать, как снять с него заклятие.

Ясно, что это мог сделать любой вайделот, но обращение к нему было равносильно самоубийству. Скандианские жрецы в Ульмигании не появлялись, но они и не так ревниво оберегали тайное знание, как вайделоты, и кое-кто из морских волков был посвящен в тайны рун. Это и держало Дилин-

га в поселке. Он надеялся, что появится человек, который снимет с Торопа слепоту. Но время шло, Бьорн внимательно присматривался ко всем, прибывавшим в город, но война, в такой степени овладевшего магией, чтобы разрушить козни вайделота не было. Все решилось, когда Дилинг привез Милдену.

Ночью раздался условный стук. Дилинг, держа наготове нож, приоткрыл дверь сардиса²⁴.

– Это я, – сказал Бьорн. – Хочу угостить тебя пивом.

По тому, что тот говорил на нордманском и пригласил на пиво одного его, Дилинг понял – предстоит разговор.

Они прикончили один жбан, посетовали, что зверя стало меньше, а шкурки хуже, решили, что зима будет не очень холодной, принесли второй жбан, и только тогда Бьорн спросил:

– У тебя появилась женщина?

Дилинг промолчал.

Бьорн кивнул, будто получил ответ, и добавил:

– Беглая женно конунга из бартов.

– У тебя хорошие вайдимаи²⁵, – сказал Дилинг.

– Хорошие, – согласился Бьорн. – По вашим законам мы должны немедленно выдать ее бартам.

– Я понял, – сказал Дилинг. – Мы уйдем еще до восхода солнца.

---

²⁴ Сардис – хранилище для зерна, амбар.

²⁵ Вайдимай – шпион, осведомитель.

Бьорн поморщился:

– Отдай им женщину, Дилинг. От нее одни неприятности.

Зачем она тебе?

– Мы уйдем, – повторил Дилинг.

Бьорн вздохнул и приложился к кружке. Они немного посидели, потом Дилинг встал:

– Мне пора.

– Погоди, – сказал Бьорн. – Я соберу вам кое-что в дорогу.

– На севере косы куров, там, где начинаются пески, живет одна старуха, – сказал он, упаковывая снедь.

– Никто не знает, откуда она взялась и чем живет, но куры считают ее живой Лаумой²⁶, боятся. Я хотел узнать о ней подробнее, но ты сам не даешь мне на это времени. Я думаю, никакая она не богиня, просто какая-нибудь вайделотка-отшельница. Так или иначе, мне кажется, она сможет помочь твоему другу. Но вам придется идти через Самбию.

– Придется.

– Если вы выйдете прямо сейчас, то возможно, к рассвету вам удастся проскочить незамеченными.

– Мы так и сделаем, – сказал Дилинг.

– Мне жаль, что я не могу быть больше полезен тебе.

– Нордманы и так слишком много сделали для меня.

– Ерунда. Вождь куров косы – Карвейт, его еще зовут Великим за огромный рост, кое-что мне должен. Если возникнет необходимость, ты можешь обратиться к нему. Он не от-

---

²⁶ Лаума – божество зависти и злобы.

кажет в помощи.

– Я запомню, – сказал Дилинг.

Бьорн дал им лошадей на смену, чтобы не пришлось останавливаться, пересекая страну самбов, и Дилинг с Милденой и Торопом умчались за Полярной звездой, на север полуострова, к узкой полоске суши, отделившей залив Руса от моря.

Месяц был тонким и света давал мало. Бьорн отметил про себя, что это поможет Дилингу пересечь Самбию незамеченным, зевнул и пошел спать.

Выспаться не удалось. Еще не рассвело, когда к нему ворвался перепуганный слуга и сказал, что в Твангсте вошел отряд самбов. Кого-то ищут.

Бьорн оделся и вышел из дома как раз вовремя – самбы были уже у порога.

– Ты – Бьорн, сын кривого Эгила? – спросил их куметис²⁷, цепко глядя на Бьорна белесыми глазами. Из-под шишкообразного, скандианского шлема с торчащими в стороны бивнями вепря, висели две белые, как снег, косички. Брови и борода тоже были белыми и ярко выделялись на красном обветренном лице.

– Да, – сказал Бьорн.

– Говорят, у тебя гостят какие-то люди...

– Это правда. У меня часто гостят и родственники, и друзья. Но сейчас никого нет.

– Никого?

---

²⁷ Куметис – знатный витинг, воевода.

– Нет, никого.

Куметис, не спуская с Бьорна глаз, спрыгнул с коня.

– Пойдем в дом, – сказал он.

На столе стояли две кружки. Самб взял одну, понюхал и спросил:

– Любишь по ночам выпить пива?

– Люблю, – подтвердил Бьорн.

– Налей и мне, – вдруг сказал куметис на языке нордманов.

Бьорн, ничем не выказав удивления, налил пиво. Тот, не отрываясь, выпил и вновь подставил кружку. Бьорн долил.

– Меня зовут Балварн – Белый Ворон. Я – из рода Вепря. Мы ищем двух витингов, один из вармов, а другой по-пруски совсем не говорит, или говорит со славянским акцентом, как рутен. Слепой. С ними женщина с черными волосами. Ваши люди говорят, не видели таких. А ты?

– Нет, – задумчиво сказал Бьорн. – Не встречал. Если б встретил, то наверняка бы запомнил. Славянин, да женщина с черными волосами – такие запоминаются.

– Ага, – сказал Балварн. – Я понял. Значит, ты не встречал таких. Ну-ну... Налей-ка мне еще пива.

Он вылил в себя содержимое кружки и направился к двери. Уже стоя в дверном проеме, обернулся:

– Когда-то меня звали Олаф Эриксон. Но это было давно... Так я об этих витингах... Мало ли что бывает, вдруг встретятся где... Скажешь им, что не нужно было убивать

вайделота. Крива этого не простит.

– Да, – неопределенно пожал плечами Бьорн. – В жизни всякое бывает.

Дилинг опасался Рудаваы – большого поселка на пути к косе. Но его удалось обойти затемно. Когда солнце взошло, оно оказалось справа от путников, вступивших на земли куров, над заливом.

Куры, или корсь, как их называл Тороп, жили в основном по берегу моря севернее пруссов, на территориях, которые они уже без особой борьбы сдали ордену меченосцев. Но небольшая их часть ютилась и в крошечных деревушках на косе, тонким хвостом вытянувшейся от Самбийского полуострова на север. Народ был бедный, молился не очень ревностно многим богам, которых пруссы считали никчемными, ловил рыбу, бил зверя и с радостью принимал покровительство самбов, одним только этим отбивавшим охоту к набегам на куров у литовцев и жмуди.

Дорог на косе не было. Кони ступали копытами по редкой, в проплешинах белого песка, траве. Решили сделать привал, отдохнуть, наконец, от перехода, большую часть которого пришлось идти на рысях и галопом. Воины могли перекусить прямо в седле, но для Милдены путь оказался слишком утомителен. Смуглая кожа на ее лице побледнела, черные глаза ввалились. Спустившись с лошади, она засуетилась, раскладывая для витингов еду.

Прабабушку Милдены выкупил у нордманов один из вар-

мийских вождей. Морские волки привезли ее из какой-то южной страны. С тех пор среди светлокожих ширококостных вармов появились темноволосые люди. А женщины передавали из поколения в поколение маленький медный крестик, не совсем понимая, что это такое и относясь к нему не иначе, как к покунтису²⁸. Этот крестик висел у Милдены под нижней рубахой вместе с кусочком хвоста Матери Выдры – покровительницы рода.

Если б не явная усталость Милдены, непривычной к верховой езде – прусские женно редко покидали пределы своих деревень – Дилинг не остановился бы в этом месте. Место было нехорошим. Мало того, что здесь, у основания косы еще можно было встретить самбов, неподалеку находился самый узкий участок суши, где море и залив так близко подступали друг к другу, что в шторм их волны встречались. Эта часть косы была почему-то очень любима девами народа амсмари²⁹. Морские, с пышными шапками волос, похожих на взбитую пену, и рыжеволосые амсмари залива стайками собирались с обеих сторон косы и пели. То ли соревнуясь, то ли соперничая в желании затянуть в свои воды путника.

Дилинг знал, как опасно услышать эти высокие грустные голоса, пропитанные сладким томлением и обещанием блаженств, но помимо воли прислушивался.

Стояла хорошая ясная погода. На заливе был штиль, а мо-

---

²⁸ Покунтис – талисман, оберег.

²⁹ Амсмари – букв. «водяной народ», сирены.

ре легко шуршало о песок невысокой волной. Кричала сойка. Щеглы и зяблики, рассевшись на кустиках можжевельника, приглядывались к людям в надежде поживиться остатками трапезы. Звуки, заполнившие сосновый лес, были мирными и не предвещали ничего дурного.

– Что-то не так? – вдруг спросил Тороп. Все последнее время он упорно говорил по-прусски, и успехи его были очень заметны.

Дилинг быстро взглянул на него. Он никак не мог привыкнуть к сверхъестественному чутью, обнаружившемуся у Торопа с приходом слепоты.

Тороп, подставив свое бледное, почти белое лицо солнцу, шурился.

– Ты видишь свет? – спросил Дилинг.

– Не знаю. Иногда мне кажется, что вижу. Сейчас, например... В глазах у меня красно. Наверное, это все же не свет, а тепло. Тепло и холод я и раньше мог чувствовать, правда, не так, как теперь. Ты мне не ответил...

Дилинг помялся. Он не хотел говорить Торопу об опасностях по поводу амсмари. Тот наверняка не поверил бы в них.

– Не нравится мне здесь, – сказал Дилинг. – Надо уходить.

– Лошади уже остыли, – напомнил Тороп. – Хорошо бы их напоить.

Дилингу не хотелось этого делать, но, сознавая, что Тороп прав, кони хотели пить, он нехотя повел их к заливу.

Ветра не было, и вода лежала спокойной гладью. Лошади,

зайдя по колено, осторожно касались ее поверхности губами. Вскидывая иногда головы, сыто фыркали и опять принимались пить.

Дилинг присел на песок и грыз сосновую хвоинку, все еще опасливо прислушиваясь. На душе у него было беспокойно, и состояние это не проходило. Наоборот, становилось все тягостней.

Сначала Дилинг услышал, как скрипит песок под легкими шагами. Потом, обернувшись на звук, увидел, что вдоль берега на него идет девушка. Но поразило Дилинга не само ее появление и не то, что она была голой, а необычная, ослепительная красота белого с матовой голубизной тела, ярких зеленых глаз, длинных рыжих волос, сверкавших в лучах утреннего солнца, как позолота. В руке у нее был лоскут прозрачной зеленоватой ткани. Она помахала им Дилингу и улыбнулась. Красота и открытость молодого тела были настолько поразительны, что Дилинг не просто позабыл обо всем на свете, он потерял способность думать, самостоятельно двигаться. Дилингу показалось, что душа его покинула привычное место и медленно направилась навстречу девушке, уже готовой открыть объятия, чтобы принять его к себе. На деле он сам пошел навстречу, широко расставив руки. Девушка, смеясь, уклонилась и пошла к воде.

В этот момент их и увидела Милдена. Она не знала, что заставило ее испугаться, вскочить и побежать к заливу. Может любовь, которую она таила в себе многие годы, обретая, на-

конец, так долго ожидаемого избранника, возмутилась возможной его потерей. Может, привычное для пруссов чутье на темные силы дало о себе знать. Так или иначе, Милдена выбежала на берег залива.

– Тороп, – закричала она. – Тороп! Она уводит его!

Амсари оскалилась, зарычала и стала кидать в лицо Милдене пригоршни песка.

– Тороп, миленький, – кричала, уворачиваясь, Милдена. – Спаси, Тороп, она уводит Дилинга!

Тороп, натыкаясь на сосны, запутываясь в кустах, падая, побежал на крики. Амсари обернулась зеленой тканью и бросилась в воду. Мелькнул большой хвостовой плавник, и блеснула мелкая чешуя на бедрах.

Дилинг застонал и, обхватив руками голову, сел на песок.

– Голова.., – бормотал он. – Очень болит голова.

Тороп, наконец, выбрался из леса и, держа обеими руками меч, встал, прислушиваясь к происходящему.

– Что тут? – спросил он.

Ему никто не ответил. Дилинг стонал, стиснув руками голову, а Милдена, опустившись возле него на песок, тонко поскуливала.

– Что происходит? – крикнул Тороп.

– Амсари, – сказала Милдена. – Она хотела увести Дилинга.

Тороп подошел, коснулся рукой Милдены, потом Дилинга:

– Что с ним?

– Не знаю, – всхлипывая, сказала Милдена.

Дилинг поднял голову и посмотрел на Торопа мутными глазами:

– Голова болит. Что тут было? Где лошади?

– Здесь лошади. Ничего с ними не стало. Что происходит, черт бы вас всех побрал? – выругался Тороп по-русски.

– Амсмари, – повторила Милдена. – Девица-амсмари хотела увести с собой Дилинга.

– Амсмари? – спросил Дилинг. – Это была она?

– Какая еще девица?! – разозлился Тороп. – Тут ничего нет. Я никого не чувствую.

– Я видел девушку, – вспомнил Дилинг. – Голую...

– Чепуха какая-то! – сказал Тороп. – Ладно, пошли отсюда, а то еще что-нибудь привидится.

Дилинг встал и потряс головой. Выглядел он, как с похмелья. Но когда Милдена хотела поддержать его, отодвинул ее в сторону.

Лошади спокойно паслись, подбирая редкую траву под соснами. Тороп шел сзади Дилинга, прислушиваясь к его тяжелому неверному шагу, и гадал – что же могло так сильно подействовать на этого большого хладнокровного воина?

Они не успели отъехать от берега, как Дилинг спросил:

– Вы ничего не слышите?

– Нет, – сказал Тороп.

– Кто-то поет.

– Я бы услышал, – сказал Тороп. – Выбрось это из головы.

Тут никого, кроме нас, нет.

– Тороп, – сказала Милдена. – Это опять она. Я тоже ее слышу.

– Да что вы..., – начал Тороп, но не договорил. Он по звуку копыт услышал, что Дилинг повернул к заливу.

– Дилинг! – позвал он.

Тот не откликнулся.

Тороп повернул лошадь за Дилингом. Догнал и схватил за плечо:

– Ты куда?

Тот не остановился и не ответил.

– Ну, мне это надоело, – сказал Тороп, и, не выпуская его плеча, другой рукой ребром ладони ударил Дилинга сбоку по шее. Дилинг обмяк, но Тороп его придержал, не давая упасть с лошади.

– Милдена, – позвал он. – Привяжи его чем-нибудь, а то еще свалится.

Пока Милдена привязывала Дилинга, Тороп обратил внимание на странный тягучий звук, послышавшийся со стороны залива. Потом понял, что это женский голос, выводивший очень высоко и чисто какую-то тихую грустную песню. Язык, на котором пела женщина, был незнакомым, но мелодия навевала воспоминания о несбыточных снах и желаниях. От нее сосало под ложечкой и остро хотелось подойти ближе к той, что пела, заглянуть в ее глубокие теплые глаза...

Острая резкая боль полоснула Торопа по щекам, заставив его вскрикнуть и схватить то, что эту боль принесло. Это были руки Милдены. Увидев, что Тороп стал поддаваться зову амсмари, в отчаянии она вцепилась ему в лицо ногтями.

– Что это было? – спросил Тороп.

– Поехали отсюда, – сказала Милдена. – Поехали быстрее, Тороп!

– Да, поехали. Что-то неладно здесь...

Песня еще была слышна и походила на плачь. Тороп перекрестился и пришпорил коня. Вскоре Дилинга растрясло, он очнулся и, обнаружив на себе веревки, стал ругаться. Милдена развязала его.

Вождь куров косы – Карвейт, оказался действительно очень высоким. Может, это было бы и не так заметно в другом народе, но среди малорослых и щуплых соплеменников он казался скалой. Сходство с каменной глыбой придавало ему и массивное грубое телосложение. Круглая турья голова по-бычьей без шеи сидела на квадратном туловище, утопая неровно заросшим подбородком в плохо оформленной груди мышц.

Несмотря на устрашающие размеры и сонное простодушие маленьких глаз, Карвейт обладал острым умом. В сочетании с невероятной физической силой, это помогло ему стать единоличным хозяином косы. Конечно, он вынужден был подчиняться указам Кривы, но к своим колдунам относился с презрением. Легко менял богов и идолов, и был счастлив оттого, что пруссы, не признавая в курах равных себе, не требовали от них и строгого подчинения собственным уставам.

Сейчас Карвейт заставил весь свой народец молиться большой развесистой липе, под сенью которой, как он считал, обитала богиня Лайма³⁰. У Карвейта было две жены, но, ни одна еще так и не родила ему ребенка. А какой-то старик,

---

³⁰ Лайма – божество красоты и нежности. В прусской мифологии Лаума и Лайма близнецы и соотносятся, как позитив и негатив.

странным образом появившийся весной в деревне вождя, на-пророчил Карвейту, что через год усердных молитв богине красоты у него будет прибавление в семействе. Карвейт тут же объявил Лайму главным божеством куров и стал носить к липе жертвы. За этим занятием вождя и застал Дилинг.

Убедившись в том, что с Карвейтом нет никого из пруссов, Дилинг дождался конца церемонии жертвоприношения и вышел из зарослей облепихи.

– Я пришел передать тебе пожелание удачной охоты от Бьорна из Твангсте, Карвейт, – сказал Дилинг.

– Пусть боги хранят и Бьорна, – ответил Карвейт, приглядываясь к Дилингу. – Он славный воин и верный друг. А ты ему кем приходишься?

– Родственником.

– Но говоришь ты, как варм...

– Мы дальние родственники по линии матери.

– Хорошо, – кивнул Карвейт. – Больше Бьорн ничего не передавал?

– Кажется, нет.

Сонные глазки вождя стали еще скучнее, и он повернулся, собираясь уйти.

– Ах, да! – сказал Дилинг. – Бьорн просил напомнить тебе о том шраме, что у тебя под левой лопаткой.

Карвейт быстро обернулся и пристальной посмотрел на Дилинга.

– А ты, видать, крепкий парень, – сказал он. – Я отдам

тебе свой меч, если окажется, что у тебя нет слепого друга.

– Твой меч останется при тебе.

– Но мне нет дела до твоих друзей.

– Бьорн мне так и сказал.

– Хорошо, – повторил Карвейт. – В моей деревне вы будете чувствовать себя так же, как у Бьорна. Но вы должны понимать, если явятся самбы, я не смогу вас защитить.

– Я знаю, – сказал Дилинг. – Нам этого и не нужно.

– Чего же ты хочешь?

– Проводи нас к той вайделотке, что живет в песках.

Карвейт посмотрел на небо.

– Жарко, – сказал он. – Похоже, все лето будет сухим.

В небе чиркали стрижи, рассекая острыми крыльями тучки комариных свадеб. Белое солнце стояло высоко. Потрескивали шишки на соснах.

– Так что, Карвейт, проводишь нас к вайделотке?

– Залив цветет, – пожаловался Карвейт. – Рыба задыхается. Прямо беда.

Он вздохнул и покосился на большую бронзовую фибулу с крупной жемчужиной, державшую плащ Дилинга. И, будто что вспомнил, спросил:

– Вы, наверное, и не обедали сегодня? Приходите.

Повернулся и ушел.

Отдавать фибулу Дилингу было жаль. Раздумывая над тем, что подарить вождю куров, он отправился за Торопом и Милденей.

Карвейту достался татарский кривой нож с костяной рукоятью, украшенной затейливой резьбой. Вождь положил его перед собой и всю трапезу не сводил глаз с матовой бледной поверхности рукоятки, цветом и на ощупь напоминавшей женское тело. Подергивая огромной головой от восхищения, он допытывался: из какого же зверя добывают такую кость? Дилинг и сам не знал. Да и занимало его совсем другое. Когда меда было выпито достаточно, чтобы начать разговор о деле, Дилинг вновь надел на Карвейта с просьбой провести к вайделотке.

– Нет никакой вайделотки! – отмахнулся Карвейт.

– Как же нет?! – опешил Дилинг. – Если о ней даже в Твангсте говорят.

– Мало ли, о чем болтают на рынках!

Дилинг растерянно посмотрел на Торопа. Тот, по обыкновению глядя пустыми глазами куда-то сквозь деревья, прислушивался. Дилинг подумал, что Карвейт его не понял:

– Послушай, вождь, может, ты не знаешь... Говорят, на севере косы, в песках живет какая-то старуха. Вроде бы твои люди даже считают ее воплощенной Лаумой. Вспомни!

– Красивый нож, – сказал Карвейт и досадливо вздохнул. – Жаль, что мне нечем отплатить за него. А в песках никого нет – паустре³¹. Даже кабан туда не заходит. Там нельзя жить. Носейлы никого к себе не пускают.

Дилинг опять посмотрел на Торопа. Лицо его было спо-

---

³¹ Паустре – пустошь, безлюдная пустыня.

койно, глаза прикрыты, но в пальцах, поблескивая, мелькала какая-то монета, зверьком перебегая от указательного к мизинцу, от мизинца – к указательному.

– Мы заплатим, – сказал Дилинг. – Скажи, Карвейт, сколько тебе нужно, чтобы отвести нас к колдунье?

– С друзьями Бьорна я бы ничего не взял, даже если б мне пришлось выступить на их стороне в войне, – сказал тот. – Но, поверь, в дюнах не выжить даже полевке, не то, что человеку. Тем более – какой-то старухе.

– Он врёт, – сказал Тороп по-русски. – Нам придется искать самим эту чародейку.

– С чего бы ему лгать?

– Не знаю. Может чего-то боится? Но эта колдунья существует, это точно. Я чувствую.

– О чем вы? – насторожился Карвейт.

– Я говорю, что ты трус, – сказал Тороп на прусском. – Ты чего-то боишься и потому врешь, что ничего не знаешь о вайделотке.

Плоское мясистое лицо вождя покрылось красными пятнами.

– Я трус?! – тихо спросил он. – Я трус, и я вру?! Ах ты, сопляк!..

С быстротой, которой Дилинг никак не ожидал от него, Карвейт метнулся к Торопу и схватил того медвежьей лапой за горло. Казалось, вся шея русского исчезла в этой руке, и ее пальцы сомкнулись на позвоночнике Торопа.

Дилинг ухмыльнулся и подлил себе медовухи. Когда он поднял глаза, Тороп стоял сбоку от вождя и держал его вывернутую назад руку в своей. Он ударил два раза Карвейта ногой под ребра, оба раза тот издал громкий икающий звук, и когда отпустил, вождь ткнулся лицом в землю.

– Как ты думаешь, – спросил Тороп. – Он не донесет на нас теперь?

– Вряд ли. Куры держатся особняком и стараются решать свои дела сами.

– Может нам лучше сразу уехать?

– погоди, посмотрим, что он скажет теперь?

Карвейт застонал и встал на четвереньки.

– Это сейчас пройдет, – сказал ему Дилинг.

Вождь сел и посмотрел на него.

– Ты слишком резво бросился в драку, – сказал Дилинг. – Я не успел тебя предупредить, что этого не стоит делать.

На лбу вождя была небольшая ссадина, к ней прилипли травинки и песок.

– Это он меня или ты? – спросил Карвейт, покосившись на Торопа.

– Он. Послушай, вождь, если ты почему-то не хочешь нам помочь – скажи, мы не обидимся. Вайделотку мы все равно разыщем.

Карвейт потряс головой, что-то промычал и, скривившись, встал с земли.

– Это ты меня так?! – все еще не веря в это, спросил он

у Торопа.

Тот был на полторы головы ниже и раза в четыре тоньше
вождя.

– Поехали, – сказал Тороп. – Чего мы ждем?

– Она живет за Большими дюнами, – неожиданно сказал
Карвейт.

– Ты проведешь нас? – спросил Дилинг.

– Нет. Вы уж как-нибудь сами.

– Как мы ее найдем?

– Найдете. Вам нужно все время ехать вдоль моря. Там,
где поселилась вайделотка, потемнел песок. Мои люди уже
назвали это место Черным берегом³².

– Это далеко отсюда?

– Не очень. Как только въедете в пески, считайте дюны.
За третьей, самой большой, и начинается Черный берег. Его
трудно не заметить.

– Пошли кого-нибудь за моей женно, – попросил Дилинг.

Когда они были уже на лошадях, Карвейт подошел и про-
тянул Дилингу нож с костяной рукояткой:

– Забери, я ведь не помог вам.

– Оставь его себе. Поможешь в следующий раз, – ответил
Дилинг.

– Я не знаю, что вам нужно от этой старухи, но будьте с ней
осторожнее. Она уже утопила одну нашу лодку с рыбаками.

---

³² Черный берег – название сохранилось до наших дней: Шварцорт/нем./, Юод-
кранте/лит./

Если это и не сама Лаума, то ее сестра.

– Спасибо, что предупредил.

Карвейт посмотрел на Торопа.

– Хорош, дорого я дал бы за такого воина.

Дилинг склонился с лошади к самому лицу вождя и тихо сказал:

– У него на родине великий князь рутенов платил этому “сопляку” столько монет, сколько тебе, вождь, не увидеть за всю твою жизнь.

– Хорош... – повторил Карвейт.

– Ну, пошли! Удачной охоты!

Они спустились с авантюны к морю и поехали вдоль линии прибоя. Лошади шли тонкой черной полосой высохших водорослей, смешанных с янтарной крошкой. Море было зеленым, а там, где над ним висело солнце, сверкало раскаленным металлом. Одинокий нырок то исчезал в воде, то появлялся, покачиваясь на волне. Ничего этого Тороп не видел. Высоко вскинув голову, он вслушивался в звуки моря, ловил его запах и пытался представить, как оно выглядит.

– Ты раньше не был у моря? – спросил его Дилинг.

– Нет.

– А хочешь, искупаемся?

– Не знаю... Оно светится...

– Это – от солнца.

– Жаль, что я не вижу.

Дилинг хотел сказать ему, что еще успеет насмотреться, но передумал – он сам не был в этом уверен.

– Искупаемся? – предложил он.

– Давай.

Дилинг бросился в море, взметнув брызги, а Тороп входил осторожно, примеряясь к новым ощущениям.

Милдена сидела на горячем песке, смотрела, как резвятся витинги, – один плотный, кряжистый, с испещренным множественным количеством полосок–шрамов телом, и другой – гибкий, поджа-

рый как олень, почти безусый. Они плескались и играли, гоняясь друг за другом, как дети, и ей почему-то стало жаль их. Жаль ослепшего Торопа, жаль запутавшегося в отношениях с соплеменниками Дилинга. Стало жалко и себя. Милдена вспомнила, что всегда очень хотела ребенка. Она заплакала, и на душе у нее от этого было томно и сладко. Она плакала, но в ее слезах не было горечи. Милдена плакала второй раз за этот день и за последние восемь лет. Что-то оттаяло в ней и пролилось теплой мягкой влагой.

Милдене было хорошо сидеть на пушистом песке, вдыхая терпкий морской воздух, и плакать, глядя, как прыгают в зеленой воде красивые сильные мужчины.

В тот день лета 1224 года от Рождества Христова произошло событие, последствия которого резко изменяют не только судьбы безмятежно плескавшихся в море воинов, но скажутся и на развитии будущей истории Ульмигании. Ночью десять парусных лодок – барок причалили к юго-восточному берегу залива Халибо, и на землю вармов ступили более пятидесяти монахов-рыцарей Добринского братства, ордена, только что созданного епископом прусским Христианом.

Здесь необходимо напомнить, что сей высокий сан – Епископ Пруссии, настоятель монастыря в Оливах, что на левом берегу Вислы, возле Дантека³³, носил, мягко говоря, не совсем по праву. То есть права-то, дарующие ему это звание и скрепленные печатью папы, у него были. Однако, паства, которой он мог бы нести слово божье, отсутствовала.

Несколько лет назад этот предприимчивый монах, собрав братию, перешел зимой застывшую Вислу и построил на ее правом, прусском, берегу четыре часовни, о чем не замедлил известить Рим. Акция носила авантюрный характер, ибо пруссы немедленно спалили часовни, не оставив от них и следа. Но, вне зависимости от этого, в Риме высоко оценили рвение Христиана, и ему был дарован сан со всеми вытека-

---

³³ Дантек – Данциг, Гданьск. Ныне Оливы являются одним из районов этого города.

ющими полномочиями и правами. Другими словами, Христиан был главой епископата, который еще нужно было завоевать. Вдохновленный примером Альбрехта Буксгевдена, епископа Рижского, сумевшего отбить у ливов часть побережья, Христиан призвал под лозунги нового крестового похода небольшую армию, решив образумить язычников если не с помощью слова, то мечом. Христиан не учел того, что давно уже знали и ляхи, и даны, и рижские немцы – пруссы не ливы. Фанатично преданный своим богам, этот народ, имевший древние традиции военного искусства, был в отличие от других язычников хорошо сплочен. Все одиннадцать племен подчинялись одному уставу – Заповедям короля Вайдевута, и одному владыке – Верховному Жрецу, никогда не имели серьезных межплеменных раздоров, и на любую агрессию отвечали слаженно и умело. Христиан никогда не будет владеть Пруссией.

Но в тот день полсотни монахов двумя отрядами высадились в Вармии десятком миль южнее замка Хонедта. Один отряд, под предводительством саксонского рыцаря-крестоносца фон Русдорфа, остался в месте высадки, чтобы с раннего утра приняться за строительство часовни. Другой, ведомый рыцарем из Кашубии Владиславом Бутовым, направился вглубь страны.

К утру, воины Владислава успели разгромить и поджечь два поселка ничего не подозревавших вармов и осадить третий, оказавший им неожиданно сильное сопротивление.

Владиславу не удалось проломить ворота поселка сходу, и пруссы, точно метавшие из-за частокола легкие копья, заставили крестоносцев отступить, оставив у стен поселка два трупа. Еще четверо были ранены.

Владислав, скрипя зубами от ярости, метался на мелкой прусской лошаденке вокруг укрепления, не зная как к нему подступиться. Он чувствовал как время, будто почва, уходит у него из-под ног. Владислав должен был внезапно появиться у замка Хонедта со стороны леса, откуда пруссы не могли ждать нападения, и занять его или хотя бы заблокировать и держать до прихода новых сил добринцев. Задержка ломала все планы. Но оставить у себя в тылу непокорный поселок Владислав не мог.

Сомнения кашубца разрешили сами вармы. Ворота вдруг распахнулись, и оттуда, визжа и улюлюкая, высыпали, размахивая короткими мечами, язычники. Пруссов было гораздо меньше, чем крестоносцев, и хотя дрались они со знанием дела и отчаянно, как дикие звери, Владиславу удалось одержать верх. Он ворвался в поселок, когда пал последний его защитник, и здесь Владислава ждало разочарование, граничившее с ощущением катастрофы. Поселок был пуст. Пока часть пруссов сдерживала монахов у стен укрепления, другие увели его население.

Владислав послал гонцов назад, к людям фон Русдофа, предупредить, что планы взятия Хонедты могут сорваться, а сам, на рысях, отправился напрямик к замку, обходя попа-

давшиеся поселки и уже не заботясь о том, чтобы выйти к Хонеде незамеченным. Он был неглупым человеком и понимал обреченность затеи. Но честь рыцаря и возможность снискать славу первого христианина, ворвавшегося в неприступную цитадель язычников, затмевали рассудок. Кроме того, он и представить себе не мог, насколько Хонедта неприступна в действительности. Пятнадцать лет спустя куда более опытные лучше вооруженные и дисциплинированные рыцари Немецкого Ордена Госпиталя Пресвятой Девы Марии будут стоять под стенами Хонедты несколько месяцев без всякой надежды подойти к ним, пока предатель не укажет тайный ход в крепость.

Пруссy дали отряду Владислава выйти из леса, а на большом ровном поле, откуда уже виднелся залив, окружили его и быстро, деловито перебили всех монахов. Затем, разделившись на несколько отрядов, стали методично прочесывать берег, пока не наткнулись на засеку, сооруженную фон Русдорфом. Через ограду внутрь полетела голова Владислава. Какой-то прусс крикнул по-польски, что это ожидает всех, кто немедленно не уберется подальше от берегов священной Ульмигании.

– Мы знаем, – сказал прусс. – Вы еще не успели пролить кровь наших братьев, и потому отпускаем вас с миром.

Добринские рыцари набирались в основном из славян и прекрасно поняли речь прусса. Но поскольку все они вступили в орден добровольно, клялись служить вере христовой до

последнего вздоха и надеялись на скорый приход подмоги, никто не помыслил о бегстве. Пруссы пошли на штурм засеки, и те из добринцев, что не погибли в бою, вскоре пожалели об этом. Их ждала смерть куда страшнее – на жертвенном костре в честь Перкуна, Потримпа и Пикола³⁴. Из тех, что пришли с Владиславом и фон Русдорфом, не уцелел никто.

К вечеру у берегов Вармии появились лодки следующей партии монахов Христиана. Медленно плыли они, вглядываясь в очертания берегов с надеждой увидеть дым сигнальных костров. Их не было. Берега затягивал туман, сумерки сгущались, и добринцы причалили к первому попавшемуся пологому месту.

Пруссы появились – как видение в дурном сне – отовсюду. Воздух взорвался криками, свистом копий и ржанием лошадей. Крестonosцам казалось, что дьявол обрушил на них злобную силу. Они бросались в барки, надеясь найти спасение на воде, но дротики пруссов настигали их и в лодках. Только три смогли отчалить и уйти в залив.

Отойдя подальше от берега, монахи поставили паруса и собирались, было, вознести молитвы Господу за спасение, как вдруг небо расколола молния, оно разверзлось косым дождем, сорвался шквальный ветер, поднимая волну. В завершение несчастий на добринцев навалился шторм. В одной из лодок открылась течь, и она утонула сразу. Две других раз-

---

³⁴ Перкун, Потримп и Пикол – триада верховных богов Пруссии. Перкун – бог грома и молнии; Потримп – бог воды, рек и озер; Пикол – бог преисподней.

метало по заливу.

Недели через три два измученных монаха добринского братства добрались-таки до монастыря в Оливах и поведали Христиану, что их лодку выбросило в устье Ногаты. Что стало с их товарищами в третьей барке неизвестно и доселе.

Это была не первая попытка Христиана покорить Пруссию, но ранее вылазки его добринцев не носили такой организованной характер и обходились более скромными потерями.

Глубокая скорбь охватила епископа. Запершись в своей келье, он многие сутки провел в молениях и раздумьях.

В то же самое время, примерно так же проводил время, забравшийся в подземелья Ромовы, Великий Жрец. Так же, как Христиан, он никого не хотел видеть, не принимал пищи и, растворив свое существо в молитвах, мучительно искал выход из создавшейся ситуации.

Крива уже понял, что христиане не оставят в покое Ульмиганию – последнее пристанище древнего Тайного Знания. Настойчивые попытки навязать пруссам войну объяснялись не обычной агрессивностью молодых неразумных соседей, но чем-то большим. Если б дело было только в ляхах, поморянах или мазурах! Пруссы готовы были преподать жестокий урок любому из народов. Да и вряд ли ляхи уже забыли, как оставил в Пруссии свое войско Болеслав Храбрый. Помнят и мазуры Великую Битву. Дело не в них. Новая религия с ее единственным богом, как чума захватывала окрестные

страны, требуя себе в жертву все, что накопило человечество до нее. Культ воина подменялся культом всепрощения, Великое Знание, врученное человеку Сыновьями Звезды, объявлялось вне закона...

“Если чувствуешь угрозу, – говорил Вайдевут, – Бессмысленно искать ее причины. Бей первым”.

Крива принял решение.

Он выбрался на поверхность, отдал распоряжения сеймину³⁵, разослал по землям посыльных с объявлением времени и места Великого Совета воинов, после этого поужинал. Потом принял куметиса особого отряда лазутчиков.

Только взглянув в лицо Криве, тот упал на колени и прошептал:

– Прости, Великий Жрец... Недоглядел... Дозорные, пропустившие христиан в Вармию, уже наказаны. Слуги Пикола гложут в преисподней их кости.

Крива бросил перед ним бубен:

– Знаешь, чья кожа на него натянута?

– Знаю, – еще тише сказал куметис.

– Как бы на следующий бубен не пошла кожа твоей спины, – проворчал Крива.

– Докладывай.

– Князь Руссиген собирает ятвягов для похода...

– Отменить, – оборвал Крива. – В ближайшее время никаких походов.

---

³⁵ Сеймин – челядь.

– Вайдимаи из Мазовии говорят, что какой-то знатный крестоносец собирается напасть со своими рыцарями на Галиндию, – продолжил куметис.

“Не успеет” – подумал Крива.

Слушая доклад, он одновременно разрабатывал план нападения на Польшу и Поморье.

Куметис закончил говорить и помялся.

– Что еще? – спросил Крива.

– Этот витинг из вармов – Дилинг...

– Ну?

– Похоже, он причастен к смерти князя Рендала. Его видели в Твангсте с рутеном, христианином. С ними была одна из женно Рендала.

– Женно Рендала?!

Крива удивленно вскинул рыжие кустистые брови.

– Не та ли самая, из-за которой разгорелась свара между вармами и бартами?

– Та, Великий Жрец.

– Интересно...

Крива задумался, а куметис потел от страха, не зная как ему поступить – убраться потихоньку или продолжать мести косицами пол перед Кривой?

– Так почему, ты говоришь, их еще не поймали? – будто очнувшись, спросил Крива.

У куметиса захватило дух.

– Он ловок, как ласка, – попытался оправдаться витинг. –

В Твангсте отправились лучшие воины – из рода Вепря, но Дилинг с рутеном ушли.

– Где же они теперь?

Куметис, так и не поднявший глаз от земли, готов был зарыться в нее кротом.

– Пошел вон.

Крива сказал это, не повышая голоса, но куметис чуть не лишился чувств.

Он ушел, а Верховный Жрец опять задумался. То, что ему было известно о Дилинге, наталкивало на мысль, что и его приятель, пусть и слепой, а все же не из простых воинов. Нельзя ли их использовать на благо Ульмигании?

12

Та, кого куры считали живым воплощением богини Ламы, поклявшейся мстить людям и богам за то, что ее когда-то обошли вниманием в пользу Лаймы, купалась. Вода была теплой и розовой от заходящего солнца. Тюлени, подныривая, игриво и нежно касались гладкой холодной шкурой живота и ног вайделотки, а стая лебедей, почтительно выгнув шеи, следила за тем, чтобы покой этой женщины не нарушили невзначай крикливые чайки или беспокойные нырки.

Вайделотка вышла на берег, откинула назад длинные волосы и подставила мягким лучам усталого солнца высушить капли влаги с сильного загорелого тела. Грудь ее была круглой и упругой с крепкими, как у девственницы, сосками. Живот без единой складки обтягивала тугая кожа. Тонкие ноги стояли на песке уверенно и надежно. Лебеди смущенно потупились, склонив к воде носатые головы, а бесстыжие тюлени поползли на пляж, лаская глазами свое божество. Совершенство ее тела было достойно их восхищения, и им не было дела до того, что ее густые волосы седы, лицо с жесткой линией рта не дает представления о возрасте, а полуприкрытые глаза стального цвета холодные, как у волчицы.

Тюлени любили вайделотку, и несколько из них уже поднесли к ее ногам крупных жирных лососей. Вожак стада –

большой светло-серый самец, подобрался особенно близко и, задрав голову, потерялся короткой щетиной морды об ее беду. Вайделотка улыбнулась, села на песок и похлопала вожака по загривку. Он замурлыкал и попытался положить голову ей на колени. Но женщина вдруг оттолкнула его. Тюлени насторожились и, приподнимаясь на передних лапах, беспокойно завертели головами. Пляж был пуст, если не считать одинокого кабана, бродившего вдоль линии прибоя. Однако вайделотка нахмурилась, собрала рыбу, нанизав ее на прут, подхватила одежду и быстрым шагом направилась в дюны. Обеспокоенные тюлени дружно и шумно стали шлепаться в воду и отплывать от берега.

В овраге, зажатом двумя высокими насупленными дюнами, грозившими вот-вот проглотить истончившуюся полоску рощи и ручей, протекавший по дну расщелины в самом мрачном и холодном ее месте, они, наконец, нашли то, что искали. Дилинг знал, какие шторма бывают осенью на косе, и его удивила ветхость жилища. На курский манер, оно было укрыто звериными шкурами, но его каркас составляли хлипкие жерди. Он окликнул хозяйку и, когда не получил ответа, заглянул в хижину. Из нее прямо пахнуло отваром трав. Глинобитный пол был чисто выметен. В очаге, обложенном валунами, тлели угли, не давая остыть висевшему над ними горшку. Стены были увешаны пучками травы и мешочками, в каких вайделоты держат снадобья. В самом высоком месте кровли, под аккодисом³⁶, охрой были начертаны несколько рун. Ничего необычного или особенного, что давало бы повод отличить это жилье от хижин других вайделотов и бояться ее хозяйки так, как боялись куры, не было. Правда, у дальней стены на плоском камне, напоминавшем жертвенник, лежал гладко отполированный странно мерцающий янтарный шар размером с детскую голову. Дилинг даже хотел зайти, чтобы разглядеть шар – он никогда не видел таких крупных чистых кусков – но не решился. Дилинг с детства,

---

³⁶ Аккодис – дымовое отверстие в кровле, дымоход.

как и все пруссы, старался держаться подальше и от вайделотов, и от их берлог.

– Никого нет, – сказал он.

– Она где-то близко, – сказал Тороп. – Идет сюда.

Дилинг напряг слух, но ничего не услышал. А из-за деревьев действительно вышла высокая, прямая и тощая, как посох в ее руке, старуха в длинном, до земли, кое-как залатанном балахоне из грубой шерсти. Всклокоченные седые волосы ее были мокрыми, а лососи, которых она несла нанизанными на прут, дергались и били хвостами.

– Удачная рыбалка! – дружелюбно приветствовал старуху Дилинг.

Не обращая на него внимания, она прошла в хижину.

– Это тебя куры считают Лаумой? – спросил Дилинг у закрывшегося за ней полога.

Ему никто не ответил.

– Почтенная! – крикнул Дилинг. – Мы пришли к тебе с миром, что же ты нам не отвечаешь?

Шкуры на входе раздвинулись, оттуда высунулась сухая коричневая рука, и в лицо Дилингу полетела змея. Это было так неожиданно, что Дилинг едва успел выхватить меч и рубить ее. В следующий момент из хижины показалась косматая голова, бросила взгляд холодных бесцветных глаз на извивавшиеся в траве половинки гадюки, потом на Дилинга.

Тот был в бешенстве, но сдерживался.

– Так-то ты встречаешь гостей... – сказал он.

Старуха кивнула и швырнула в него две гадюки. Одну Дилинг разрубил, но вторую не успел перехватить. Ее достал Тороп. Два раза свистнул в воздухе клинок его меча, и змея развалилась на куски чуть ли не над самой головой Дилинга.

Пока он решал: стоит ли дальше сдерживаться или сразу отрубить ведьме голову? – та двинулась к Торопу, с явным интересом вглядываясь ему в глаза. Подойдя вплотную, она повела рукой перед его лицом и, убедившись в том, что он слеп, спросила:

– Давно это у тебя?

Голос ее оказался неожиданно низким и хрипловатым.

– Недавно, – ответил Тороп.

– Мы из-за этого к тебе и пришли, – начал Дилинг.

– Ты говоришь не так, как наши витинги, и не так, как ляхи. Кто ты, чужеземец? – спросила старуха, не обращая внимания на Дилинга.

– Вы называете нас рутенами.

– Это заклятие, – сказал Дилинг. – Его наложил вайделот склавинов.

– Пусть он его и снимет.

– Он уже в краю предков.

– И кто же его туда проводил? – спросила вайделотка, по-прежнему вглядываясь в Торопа.

– Не ты ли?

– Я его никуда не провожал, – сказал Тороп. – Я просто перерезал ему шею.

Вайделотка вдруг ткнула корявым пальцем Торопу в грудь:

– У тебя здесь крест?

– Да, – ответил Тороп, невольно отступая на шаг.

– И ты посмел с этим прийти ко мне?

– Больше нам идти не к кому, – сказал Дилинг. – Крива ловит нас по всей Ульмигании.

Милдена взяла его за руку:

– Оставь ее. Неужели ты не видишь – она не хочет нам помочь.

Вайделотка, наконец, оторвалась от Торопа и посмотрела на нее.

– Правильно, я не помогаю людям. Ни тем, кто носит покунтисы, ни тем, у кого на шее крест. Никому.

Старуха повернулась и скрылась в хижине.

Когда они выбрались из оврага на поверхность дюн, туда, где оставили лошадей, на Дилинга вдруг запоздало напала ярость.

– Кавкс³⁷! – выругался он. – Я вернусь и отрублю ее поганую башку!

– Не надо, – попросила Милдена. – Я очень боюсь ее... Я не отпущу тебя.

– Оставь, – сказал Тороп. – Бог с ней! Может, она ничего и не могла сделать.

Они спустились к морю. Вдоль пляжа, по слежавшемуся

---

³⁷ Кавкс – нечистая сила, поминаемая в ругательствах.

сырому песку ехать было удобнее. Добрались до ближайшего соснового леса, где кони могли бы пастись. Спешились, развели костер. Попытались поджаривать на нем вяленую оленину, которую дал Карвейт, но от огня та становилась еще жестче, и пришлось грызть ее холодной. Зато мед из кожаной фляги оказался в меру густым и ароматным.

– Она красивая? – неожиданно спросил Тороп у Дилинга.

– Кто?

– Эта колдунья.

Дилинг поперхнулся.

– В этот раз тебе повезло, что ты слеп, – сказал он, прокашлявшись. – Вот если б этот кусок проклятого сушеного мяса встал и пошел, я подумал бы, что это она.

– Странно. Мне показалось...

– Что?

– Ничего. Чепуха.

– Я знаю, что нужно делать, – вдруг сказала Милдена.

Никто не спросил: что она имеет в виду? Все думали об одном и том же.

– Нужен вайделот.

– Где же его взять? – усмехнулся Дилинг.

– Не знаю. Может, в Вармии или Натангии, это ближе всего отсюда.

– Не говори глупостей! Любой из них тут же донесет на нас Криве, едва мы появимся в пределах его племени.

– Мы и не появимся.

– Думаешь, он сам к нам придет?

– Ты его привезешь.

Дилинг удивленно посмотрел на Милдену, но не возразил.

Он уже начал понимать к чему она клонит.

Считалось, что жрец теряет большую часть агрессивной силы или даже всю ее, будучи оторван от святилища, жертвенника и прочих атрибутов колдовской власти. Он не может навести порчу или наложить заклятие, однако снять их, отвести чужой вредный глаз или чудодейственно вылечить от ран и болезней он мог всегда. Этим, в исключительных случаях, с особого позволения Верховного Жреца, пользовались князья, беря с собой в дальний поход вайделота рода. Но выкрасть его у племени – такое еще никому в голову не приходило. Идея Милдены была настолько неожиданной, что Дилинг поначалу опешил. Но опыт говорил ему, что именно дерзкие планы, как правило, приносят удачу.

– Тебе придется дважды пересечь страну самбов, – сказал Тороп, уже догадавшийся о его намерениях. – На обратном пути – с колдуном за спиной. Это не опасно?

– Не знаю, – сказал Дилинг. – У вас говорят, – он перешел на русский:

– Чем черт не шутит, когда бог спит... Может и получится. Надо обдумать.

Однако “бог”, прусский земной бог – Крива, вовсе не спал. Торопа и Милдену уже сморил сон. Дилинг шевелил палочкой угли в костре, вновь возвращаясь к деталям пла-

на похищения вайделота. А Верховный Жрец стоял у себя в подземелье, густо задымленном чадящим на жаровне янтарем, и глядел в остекленевшие глаза помощницы-девственницы. Спрашивал:

– В каком именно месте на косе? Смотри внимательнее.

– Мне тяжело, – глухо отвечала девственница. – Очень темно... Ночь... У меня болят глаза.

– Смотри, – ровным голосом терпеливо повторял Крива. – Коса. Восточный берег. Ты видишь их?

– Нет.

– Что ты видишь?

– Поселок куров.

– Их здесь нет?

– Нет. Но они были. Что-то, им принадлежавшее, есть у вождя куров – Карвейта.

– Очень хорошо. Ты внимательно осмотрела этот берег?

– Внимательно.

– Переходи на другую сторону косы, к морю. Ты видишь их?

– Вижу.

– Где они?

– Там, где начинаются пески Черного берега.

– У Виндии?! – Крива еле сдержал возглас. – Она помогла им?

– Я устала...

– Я спрашиваю тебя: Виндия помогла Дилингу и христи-

анину?

– Не знаю, я ничего не чувствую. Я устала. Я ничего не вижу.

– Хорошо. Спи. Ты свободна – духи покинули тебя. Спи.

Крива подхватил обнаженное тело девочки, перенес его на лежанку и накрыл теплым, козьего пуха, покрывалом. Выйдя на поверхность святилища, распорядился послать за братом князя Вепря – Балварном. Крива помнил, что тот давно добивался права на отделение от Вепря и основание собственного рода, рода Белого Ворона. Крива решил дать ему это право в случае удачной охоты на Дилинга.

Дилинг хотел забрать лодку у рыбаков, но Тороп убедил его, что так будет больше шума, а это – ни к чему. Пришлось возвращаться в поселок Карвейта. Тот обрадовался поводу лишний раз выпить медовухи, но Дилинг пить с ним не стал, только пригубил немного. Он знал, как тяжело будет грести во хмелю, а пройти на лодке предстояло больше двух миль. Но от бурдюка с медом, который предложил в дорогу Карвейт, не отказался, бросил его в лодку.

Он собирался высадиться на восточном берегу залива Руса на узком полуострове у замка Винде – еще одного из нескольких гигантских полуразрушенных сооружений, которые оставили пруссам белые великаны. Считалось, что этот кусок суши, отгороженный от материка многочисленными протоками и болотами, часто затопляемыми водами залива, принадлежит Скаловии. Но это только так считалось. На самом деле, род Винде, живший в замке на полуострове с незапамятных времен, считал себя прямыми потомками великанов и всегда сторонился склавинов, почитая их за людей низкого происхождения. Владельцы замка не враждовали с пруссами, но и не вступали с ними ни в какие контакты, жили какой-то своей, никому не ведомой жизнью. В их родство с великанами можно было верить, или не верить, как Дилинг, но те немногие из пруссов, кому довелось увидеть обитате-

лей полуострова, рассказывали, что они действительно чрезвычайно высоки, а волосы их белее снега. Правда, все это было в прошлом. Рыбаки, подходившие иногда к восточному берегу, сильно изрезанному и заросшему камышом, и потому богатому рыбой, говорили, что иногда у замка Винде можно увидеть одинокого белоголового человека, но, будто бы кроме него, там уже больше никто не живет.

Дилинг не собирался общаться ни с потомком великанов, ни с кем бы, то ни было другим из замка Винде, если таковые существовали. Его вполне устраивало то, что на полуострове нет склавинов, а потому о появлении чужака на их племенной территории никто не узнает. Чуть восточнее замка, был затерянный в болотах небольшой поселок, в котором жили люди какого-то очень древнего народа. Пруссы называли это племя «балтами» – болотными жителями. Они говорили на языке, которого никто не понимал, и придерживались собственных обычаев. Однако вайделот – представитель богов Ульмигании и наместник Кривы у них был. К нему Дилинг и собирался навеститься. Однако боги расставили обстоятельства по-другому.

Берег в том месте, где хотел высадиться Дилинг, был усеян валунами. Некоторые – с ровными гранями, явно из какого-то фундамента или стены. Дилинг с трудом нашел место, куда можно было приткнуть лодку. Вышел на берег и прислушался. Еще в лодке, когда он еще только выбирал место для причала, Дилинг почувствовал, что за ним кто-то на-

блюдает. Однако поворачивать назад в залив было бессмысленно. Он понадеялся на то, что этот, покалывающий спину, взгляд не человеческий. Мало ли здесь в камышах зверья – лисы, барсуки, волки. Будь это даже человек, Дилинг нашел бы как себя с ним вести. Он боялся только одного – маркопетов – «земляных людей», порождений тьмы, слуг Пикола, гигантских человекообразных животных, живших в землянках в самых глухих чащобах и у болот. Меч отскакивал от их толстой, поросшей шерстью шкуры, копье ломалось, зубья трезубца гнулись. Маркопеты не питались мясом, они были травоядными, и казалось бы не могли причинить вред человеку, но каждый прусский мальчишка знал, что один взгляд их маленьких, будто свинячьих, глаз под нависшими косматыми бровями может превратить человека в камень. Но за Дилингом следили не маркопеты.

Как только он вытащил лодку на берег, его обступили собаки. Три огромных кобеля молча окружили его и сели, нервно позевывая. Псы были похожи на прусских боевых собак, только раза в полтора выше и массивнее. Голова ближайшего к Дилингу доставала ему до локтя, а брылья свисали с морды, как хлебные лепешки.

Дилинг постоял, не зная, что предпринять. С одним таким псом он бы еще справился. Но сразу три ему были точно не по силам, несмотря на меч в ножнах.

Он это знал, однако голова воина все равно считала: если прыгнет один, срубить ему голову Дилинг успеет, до того,

как до него доберется другой, но вот третий пес...

Ситуацию разрешил, вышедший из камышей, великан. Конечно, он был не таким, какими их представлял себе Дилинг, вспоминая саги. Не выше сосен. Однако и то, что тот был более чем на две головы выше Дилинга, его уже удивило. Белые, будто седые, волосы его не были заплетены в косы, а свободно свисали на плечи. Но поразительнее всего были глаза на розовато-белом лице. Увидев их, Дилинг в первое мгновение подумал, что у этого человека вообще нет радужных оболочек, настолько они были до прозрачности светлыми. И весь этот человек был какой-то выбеленный, как холстина, какие выбеливают прусские женно.

– Ты кто? – спросил он.

– Я – Дилинг из вармов, из рода Выдры.

– Что тебе здесь надо?

Неожиданно для самого себя, Дилинг решил сказать правду:

– Один вайделот навел морок на моего друга. Он ослеп. И теперь мне нужен другой вайделот, который сможет снять заклятие.

– Ты знаешь, что я делаю с рыбаками, которые здесь причаливают?

– Нет.

– Я отрываю им головы, одеваю на шест и ставлю в том месте, где причалил несчастный. Другая лодка уже очень не скоро сюда приходит. Давно уже здесь не было чьей-нибудь

ГОЛОВЫ.

– Я не рыбак, – сказал Дилинг. – И мою голову оторвать будет не просто.

– Я знаю, ты – воин. Здесь не было воинов вашего народа уже лет двести, с тех пор, как они пришли к нам просить помощи в битве со славянами, которые живут на юге. Должен тебе сказать, что если отделить голову человека от его туловища, то исчезает разница между рыбаком и воином.

Великан говорил по-прусски чисто, без инородного акцента, но так, как не говорили ни в одном племени – слишком чисто. Кроме того, казалось, что звуки у него рождаются не в горле, а идут из глубины груди.

Он разглядывал Дилинга, как диковинное животное, и того это начинало злить.

– Уйди с дороги, – резко сказал Дилинг.

– Если я тебя отпущу, ты, ведь сейчас же пойдешь и убьешь кого-нибудь из себе подобных. Я не люблю ваш народ, Дилинг из вармов. Мы дали вам огонь, и вы начали поджигать жилища соседей. Мы дали вам власть над металлами, и вы тут же сделали мечи и стали рубить друг другу головы. Мы научили вас тайнам рун, и как же вы их используете? Вы насылаете мор и болезни на семьи родственников. Скажи мне, воин, зачем тебе жить? Только для того, чтобы убивать других?

– Я всегда убивал только тех, кто пытался убить меня, – сказал Дилинг. – Если ты попытаешься это сделать, поверь,

я смогу постоять за себя. Только давай, отложим этот разговор. Мне сейчас нужно спасти друга.

Великан еле заметно ухмыльнулся.

– Ну, что же, пожалуй, ради твоего друга я отпущу тебя. Иди.

Собаки встали и отошли к его ногам, хотя Дилинг не видел, чтобы он сделал им какой-то знак. Дилинг с облегчением прошел мимо, но боковым зрением не переставал следить за великаном с собаками.

– Эй, воин, – сказал великан ему в спину. – А знаешь, ведь твой друг переживет тебя, а умрешь ты по его вине.

Дилинг быстро обернулся. Великан вместе с собаками удалялся, глядя на Дилинга. При этом он не делал ни одного шага, ни одного движения, просто стоял, смотрел на Дилинга и быстро уменьшался в размерах, пока не исчез совсем.

Дилинг потряс головой и постарался поскорее забыть об этом, как о наваждении. Несмотря на долгую службу русским князьям-христианам, в нем всегда жил трепетный страх перед чудесами Ульмигании.

Дилинг, конечно, мог и не высаживаться у замка великанов, а обойти его по заливу южнее, и к деревне балтов подняться по Немену. Но, намахавшемуся веслами в заливе, ему уже не хотелось грести против течения реки. Кроме того, лодка – слишком заметный предмет на глади воды. Проще и спокойнее было перебраться вплавь через неширокие протоки без нее. Незнание местных болот его не смущало. Он

знал, что поселок на востоке от полуострова, и ни трясины устье реки, ни все великаны мира не помешают до него добраться. Искать, находить и настигать во что бы то ни стало, его начали учить еще до того, как он встал на ноги.

Перед деревней, когда над, развевавшимися, как маленькие флаги, головками тростника, стали видны серые конусы кровель, Дилинг наткнулся на малдая³⁸ балта. Темнокожий и темноволосый, почти, как Милдена, он стоял по пояс Немене, и проверял, попалась ли рыба в плетеные ивовые ловушки.

Дилинг прислушался. Кроме плескавшегося мальчишки, поблизости никого не было.

Шаги на берегу, усланном многолетним слоем хрусткого тростника, были бы слышны, и потому добираться места, где малдай оставил одежду, Дилингу пришлось по воде.

Из всего имущества у балта оказалось только короткое метательное копье и кусок кожи непонятного назначения. Дилинг негромко хлопнул в ладоши. Малдай обернулся. Еще до того, как он открыл рот от испуга, Дилинг приставил палец к губам. Мальчишка оказался сообразительным – закрыл рот и кивнул. Дилинг поманил его. Мальчишка опять кивнул, поправил на, зализанным солнцем до того, что оно казалось закопченным, плече ляжку мешка с рыбой и стал осторожно приближаться к берегу. Он был коренастым и нескладным. Черные глаза на грубом лице были так глубоко посажены,

---

³⁸ Малдай – юноша, не достигший совершеннолетия.

что казалось, будто малдай смотрит исподлобья. На шее у него, вместо покунтиса, в ножнах висел грубый нож с деревянной рукояткой. Когда он вышел на берег, Дилинг обратил внимание на большие, непривычные к обуви, растоптанные ступни малдая.

Дилинг взял его копье, показал малдаю и сломал. Балт на мгновение остановился, но потом все понял и снова кивнул.

– Соображаешь, – сказал Дилинг. – Молодец. А теперь скажи мне: много воинов в деревне?

Малдай что-то коротко сказал, но Дилинг его не понял.

– Что? – спросил он. – Повтори.

Тот повторил, и только тогда Дилингу стало ясно, что те гортанные звуки и щелчки, которые издавал малдай, даже не напоминают ни один из известных языков.

– Так, – сказал Дилинг. – Интересно. Ты что же, совсем не знаешь по-прусски?

Балт пытливо смотрел, но было видно, что слова Дилинга для него все равно, что плеск Немена.

– Понимаешь ли ты, дикарь, что теперь мне придется убить тебя? – спросил Дилинг больше у самого себя, чем у малдая.

Видно какие-то интонации в голосе Дилинга успокоили, и даже обрадовали балта. Он улыбнулся, и, расслабившись, поднял с земли кусок кожи, обернул его вокруг бедер и подпоясал ремнем с ножнами, висевшими на шее. Получилось нечто вроде короткой женской юбки. Такого наряда Дилинг

не видел никогда. Только тут он начал подозревать, что попал в какой-то другой, непохожий на привычный ему мир. Маленькую страну, отрезанную от Ульмигании реками и болотами, и, возможно, никому не известную.

– Пойдем, – вставая, сказал Дилинг. – Покажешь мне свою деревню.

К вечеру Милдена решила искупаться.

Сначала она вышла на авантюну к морю, прямо напротив того места, где они устроили привал. Но потом, застенчивость погнала ее по пляжу правее, к северу. Она сознавала, что слепой Тороп никак не может увидеть ее тела, но не решилась раздеться там, где оказалась бы в прямой видимости от мужчины.

Было очень тихо, поперек моря струилась огненная полоса от заходящего солнца, крупный темный, будто речной, песок мягко поскрипывал под ногами. Она задумалась и забрела довольно далеко. Когда заметила это и собралась, наконец, скинуть с себя платье, неожиданно увидела, что в воде кто-то плавает. На всякий случай Милдена бросилась в дюны и там залегла за одной, и затаилась, подглядывая за купальщиком. Она не сразу поняла, что это женщина, а, увидев, как та выходит из воды, удивилась: что может делать женщина в этих диких пустынных местах, куда, как сказал Карвейт, даже куры не забредают? Еще больше удивили Милдену седые волосы этой женщины, которой на вид было не больше трех десятков лет.

С изумлением смотрела Милдена, как вслед за ней выползают на песок, забавно переваливаясь, толстые пятнистые тюлени, как они льнут к ногам женщины. А та, не обращая

внимания на их ласки, отряхнула серебро волос, и подставила крепкую высокую грудь солнцу.

И вдруг Милдена поняла – кто это.

Удивление мгновенно сменил страх, она поползла, пятась вниз с дюны, а потом вскочила на ноги, и побежала. И бежала до тех пор, пока не увидела Торопа.

Он еще издали услышал ее шаги, встал, и, обнажив меч, поводит слепой головой из стороны в сторону.

– Тебя кто-то испугал? – спросил он.

– Нет, нет, ничего... – сказала Милдена.

– Ты кого-то увидела?

– Нет... Это так, мне просто показалось что-то...

Тогда Милдена не стала рассказывать о том, что видела. Она расскажет об этом Торопу позже. Много позже.

Дилинг с детства привыкал к запаху крови, и видом растерзанных человеческих тел его было не удивить. Но такого он не видел никогда.

Трупы, а вернее сказать, то, что от них осталось, было сложено посреди поселка. Казалось, будто зверь невероятных размеров рвал людей на части, жевал, и недоеденных бросал, чтобы схватить новую жертву.

Дилинг ждал плача и воплей, но в деревне было тихо. Ужас сковал чувства и мысли балтов, сдавил их глотки и замкнул рты. Все они, собравшись на площади, смотрели на Дилинга, и что-то было в их взгляде, чего он не мог понять.

– Я не знаю, что тебя привело сюда, – сказал вайделот, – Но тебе лучше уйти. Мальчик уже рассказал им, что ты – тот, кто должен прийти, чтобы спасти балтов, как было сказано в древнем пророчестве. Но ты не тот. Я знаю – кто ты. И потому тебе лучше уйти, пока в их душах не воспылала надежда.

Вайделот, единственный в этой деревне, носил привычную для глаза Дилинга одежду, и не был темнокожим. Он был склавином, это чувствовалось по акценту.

– Кто это сделал? – спросил Дилинг. – Я такого никогда не видел.

– Уходи. Тебе здесь нечего делать. Это проклятие богов. Племя давно должно было вымереть. Вот и пришло их вре-

мя. Уходи.

Дилинг посмотрел на балтов. Те сидели тихие пришибленные волей богов, и смотрели на него черными, глубоко посаженными глазами.

– Я не вижу воинов, – сказал он. – Они в походе?

– У этого народа нет воинов. С кем им воевать? Кругом непроходимые топи. Ты – первый витинг, которого они видят за последние десятилетия.

– Что же здесь происходит?

– Не знаю. По ночам из болота приходит чудовище, исчадие ада размером с хижину вождя, и пожирает людей.

Дилинг вдруг увидел, что жрец так же напуган и растерян, как и балты.

– Оно приходит уже четыре ночи кряду. После первой ночи мы принесли в жертву Пиколу младенца, но оно опять пришло. То, что ты видишь, это все, что осталось от племени балтов. Все здесь. Они говорят, что много лет назад такое уже было. И тогда пришел какой-то белый витинг и спас их. Они думают, что это был ты.

– Это был не я.

– Я знаю. Ты – Дилинг из вармов. Ты убил жреца в Склавегарбен, и тебя ищут лазутчики Великого Кривы по всей Ульмигании. А я должен немедленно схватить преступника, и известить об этом Верховного Жреца. Но здесь хватать тебя некому, мне даже некого послать в Ромову. Так что, иди с миром. Не смущай этих наивных людей. Если боги решили

их извести, они это сделают.

Балты прислушивались к разговору. Дилинг не знал, понимает ли кто из них то, о чем он говорил с вайделотом, но смотреть в черные глаза ему стало невмочь.

Дилингу было не по себе. Он колебался. Десятки поколений витингов воспитывались так, что беда любого народа Ульмигании, была их бедой. Оскорбление любого существа в этой стране, будь то артайс или куст бузины, под которым живет божок Пушкой, было личным оскорблением каждому витингу. Именно поэтому многие сотни лет ни один чужой воин не переступил границ Ульмигании безнаказанно. Поэтому устои страны веками оставались незыблемы, чтобы не происходило во внешнем мире. Но Дилинг не мог позволить себе умереть. На косе куров его ждали Милдена и Тороп. Что будет с ними?

– Если я помогу тебе, поможешь ли ты мне? – спросил он жреца.

– Значит, ты не хочешь уйти, – обречено сказал вайделот. – Я знал и это. Утром носейлы рассказали мне все.

– Ты поможешь мне? – еще раз спросил Дилинг.

– Ты не знаешь того, что знают боги, и что знаю я. Но тебе ведь нужно только мое обещание. Хорошо, я даю его.

Дилинг почувствовал облегчение. Как всегда перед боем – есть враг, и есть меч на поясе – все ясно и прозрачно, и больше ни о чем не нужно думать. Все остальное теперь в руках богов.

– Расскажи мне все, что вы знаете об этом. Все подробности, даже те, которые вам кажутся не важными.

– Все началось с того, что однажды ночью оно напало на лодку рыбаков, которые били рыбу гарпуном при свете факела. Оно разбило лодку и сожрало одного рыбака. Два других доплыли до берега и прибежали в поселок. Оно ворвалось за ними, и начало крушить хижины и рвать людей. И с того дня приходит каждую ночь. Я думаю, оно всегда жило в наших озерах и болотах. Возможно, тогда кто-то из рыбаков поранил его, и оно расствирепело.

– А до того дня ничего особенного не происходило? Вспомни, на первый взгляд что-то может казаться непривычным.

Жрец подумал.

– За два дня до того, пропал малдай. Подростки иногда ловят по ночам сачком на свет мелкую рыбешку для юсы³⁹. Но мы думали, он утонул.

– Тело нашли?

– Наутро искали. Но потом тут такое началось... Кто же теперь станет его искать? Люди боятся выйти из деревни в сторону болот.

– Возможно, тогда этот зверь впервые попробовал человечины. А потом напал на рыбаков, и они привели его в поселок. Как оно выглядит?

– Ужасно. Похоже на огромного ежа в два человеческих

---

³⁹ Юса – жидкая рыбная или мясная похлебка.

роста. Только с длинной зубастой мордой и хвостом. Хвост тоже длинный и на конце утыкан шипами похожими на лезвия мечей. Этим хвостом оно разбивает хижину, как скорлупу ореха.

– Как оно двигается?

– Бегаёт. Человека догоняет запросто. У него лапы, как у ящерицы, с когтями. Вокруг поселка полно следов, ты можешь посмотреть на них. Если ещё хочешь, конечно.

– Пошли.

Жрец повернулся к балтам и что-то сказал им. Те загомонили. Малдай, тот, что привел Дилинга в деревню, выхватил свой нож и показал его вайделоту. Жрец неопределенно и скорбно закивал головой.

– Пойдем, – сказал он Дилингу. – Посмотрим следы.

Они тянулись с северо-востока от озера Крок, и действительно, если бы не их размеры, напоминали бы следы ящерицы – такой же извилистый отпечаток хвоста. Только этот хвост толщиной с тысячетный дуб. Поросль ольшаника на его пути была измочалена, а некоторые мелкие деревья вырваны с корнем. Следов было много.

– Это плохо, – сказал Дилинг. – Мы не можем поставить на его пути ловушку.

Следы пересекались и путались. Старые накладывались на новые. Но самый свежий был и самым прямым. Тварь вышла из озера напротив деревни и направилась напрямик к хижинам.

– Или можем? – сам себя спросил Дилинг. – Похоже, оно нашло короткую дорогу, и сегодня пойдет именно по ней.

– Ловчую яму не выкопать, – сказал жрец. – Тут под почвой вода.

– Я заметил.

Дилинг посмотрел на небо. Оно было закрыто дымкой, но солнце, бледным белесым пятном катившееся к закату, просматривалось.

– У нас мало времени, – сказал он. – Скажи вождю, что б собирал мужчин, и нарубили как можно больше кольев. А женщины пусть уведут детей и соберут сухой камыш.

Жрец тоже посмотрел на солнце, в сторону залива.

– Да, у нас, действительно, очень мало времени. А вождь – в той куче, которую ты видел посреди деревни. Но балты все равно выполняют все, что скажешь.

Дилинг сделал ловушку для ночного зверя из самой деревни. Он приказал обнести ее кольями так, чтобы заостренными концами бревна были направлены внутрь, к площади. Между ними мог пройти человек, но крупное животное не пролезло бы. Сначала он хотел соорудить за оградой нечто вроде небольших осадных пороков, которые видел в Рутении, но балты убедили его, что зверь хорошо защищен длинными толстыми иглами, и, ни камни, ни, тем более, легкие копья балтов ему не повредят. Тогда он расставил по деревне несколько опор, на которых на противовесах пристроил и поднял высоко вверх колья, закрепив их веревками за де-

ревья вне ограды. Такими же, плотно поставленными друг к другу, приспособлениями, на тропе, по которой привык ходить зверь, Дилинг собирался закрыть и единственный вход в ловушку. Чтобы до сумерек набрать столько бревен, сколько понадобилось, пришлось раскатать, единственную в деревне, бревенчатую хижину вайделота, стоявшую поодаль от остальных – глинобитных.

Детей балты прятать не стали. В случае гибели племени, те все равно не выжили бы. Женщины пристроили грудных младенцев себе на спины, и так с ними и оставались. А те, что могли ходить сами, помогали матерям собирать камыш и хворост, и раскладывать его по пространству между хижинами.

Судя по рассказам балтов и жреца, зверь был очень опасен и неуязвим. Но он был ночным зверем, а значит, должен бояться света. Это Дилинг и собирался использовать.

Из-за дымки, затянувшей небо, сумерки пришли быстрее обычного. Зверь тоже пришел раньше.

Дилинг услышал гулкие шаги задолго до того, как увидел саму тварь.

Плохо различимая в темноте, бесформенная туша, топорщась как молодой ельник, подошла к ограде и остановилась.

Дилинг убедил балтов не погребать растерзанных соплеменников. Дать им возможность, пусть и в качестве приманки, но послужить племени в последний раз. И сейчас он видел, что запах крови манит тварь, но что-то показалось ей

непривычным в облике, оцетинившейся колючими, деревни. Она явно не решалась ступить под перекрытия опор в, наглухо окруженную частоколом, деревню. Какое-то время Дилинг думал, что зверь уйдет. Еще его поразила тишина. Затаившиеся балты не издавали ни звука, и это было понятно, но и тварь, при всех своих размерах, оказалась бесшумной. Если б не ее тяжелая поступь, она могла бы подкрадываться к жертве в абсолютной тишине.

Вероятно, кто-то из детей за оградой не выдержал напряжения, раздался глухой всхлип, зверь быстро повернул, похожую на щучью, морду в ту сторону и двинулся внутрь ловушки. Дилинг, надеясь на то, что за гулом своей поступи, зверь не расслышит чужой, побежал к воротам. Зверь остановился, и вместе с ним замер Дилинг. Тяжелый, утыканный огромными шипами, конец хвоста еще оставался за пределами ворот, а Дилинг был уже совсем близко от него. Настолько, что, поверни тварь назад, его положение оказалось бы крайне сложным. Он уже чувствовал тяжелый запах болотной тины, смешанный с вонью падали, и хорошо мог разглядеть, влажно блестящие, остроконечные роговые пластины, покрывавшие зверя.

Наконец тварь дернула хвостом, задев его концом одну из опор, так, что затряслась вся конструкция, и прошла внутрь деревни – прямо к площади, где были сложены трупы балтов. Дилинг подскочил к крепежным концам веревок и обрубил их мечом. Почти одновременно с грохотом захлоп-

нувшейся ловушки, из-за частокола внутрь деревни полетели зажженные факелы. Вспыхнули кучи сухого камыша, загорелись крытые тростником крыши домов. Зверь с неожиданной резвостью развернулся, и ближайшая к нему хижина разлетелась на куски, разбрасывая вокруг охапки пылающей кровли. Балты продолжали швырять факелы и мотки горючей пакли, и пожар мгновенно и весело охватил всю деревню. Зверь, разметав еще пару хижин, метнулся к воротам, но здесь его ждал Дилинг. Он обрубил следующие крепления, и три бревна заостренными концами вперед полетели навстречу твари. Одно попало в цель. Тварь вздрогнула, визгливо взревела, и, ломая воткнувшееся в нее бревно, повернула назад от ворот. Но и там у нее на пути один за другим стали срывать с креплений, подрубленных балтами, колья. Каждый раз, когда в нее попадало острие бревна, тварь издавала режущий ухо звук. Она металась, круша деревню, но везде ее поджидали или падающие сверху, или уже упавшие, но угрожающе раскачивающиеся, острые концы бревен. Еще немного, и зверю пришел бы конец. Но он вдруг перестал метаться по поселку, бросился прямо на частокол ограды, и несколькими ударами хвоста разнес ее в щепы. Оттуда закричали, и Дилинг побежал на эти крики.

Зверь топтал и рвал на куски полуголых балтов, отчаянно пытавшихся защититься тонкими дротиками.

И вот здесь случилось нечто странное и необъяснимое, чего Дилинг так и не смог понять, сколько потом об этом ни

думал.

Когда уже казалось, что тварь никого на этом клочке земли среди болот не оставит в живых, со стороны чахлой ольховой рощицы раздался треск, зверь взвыл и рухнул, подмяв под себя кого-то из балтов.

Дилинг быстро обернулся в сторону ольшаника.

Там что-то вспыхнуло одновременно с треском, потом еще раз. Но зверь уже не визжал и не двигался, а только грузно вздрагивал всеми своими шипами.

Белый великан, а это был он, Дилинг хорошо разглядел его в свете пожара, опустил руку с каким-то черным предметом, перевел взгляд со зверя на Дилинга, потом повернулся и ушел в темноту рощи.

Никто из балтов в суматохе не заметил его, а Дилинг не стал ничего объяснять. Он и сам не понимал, что произошло?

Потом балты при помощи кольев, подкладывая под них камни, с трудом приподняли зверя, и вытащили из-под его туши жреца. Дилингу стало ясно, что делать ему здесь больше нечего, и он ушел так же тихо и незаметно, как белый великан.

На рассвете он уже причаливал к восточному берегу косы куров.

Но Тороп так никогда и не узнал, почему Дилинг не привез вайделота. Тот ничего не успел ему рассказать.

Едва Дилинг вышел из лодки, и повернулся, чтобы выта-

щить ее на песок, его захлестнула петля аркана, прижала руки к туловищу и поволокла.

Балварн решил собственноручно брать Дилинга потому, что думал – тот куда опытнее, чем его юный друг. К тому же христианин слеп.

Балварн редко ошибался в бою, но на сей раз, его просчет дорого обошелся роду Вепря.

Когда четверо витингов, страховавших поначалу Балварна, слышали крики и лязг железа от кострища, и бросились на подмогу товарищам, они увидели, что трое уже лежат смертельно раненые, а двое других еле успевают отбиваться от града ударов того самого христианина, которого все считали слепым. Один из подоспевших воинов Вепря с досады так яростно метнул дротик, что тот прошиб Торопу кольчугу и вошел в грудь. Тороп обернулся и получил удар мечом. По кольчуге широкой полосой стала расплзаться кровь, а Тороп сделал два шага и упал на бок.

Милдена кусала и пинала витингов, но скрутили ее без особого труда.

Виндии приснился сон, которого она не ждала. Снилось, что в ручье, там, где он спотыкается об огромную старую ольху и, огибая ее, прыгает с большого камня вниз и бурлит водоворотом, тонет цыпленок тетерева. Уже оперившийся, но беспомощный, он жалко трепыхался в пенившейся воде, высовывал головку и из последних сил держался на поверхности. Виндия вытащила его, принесла домой, он обсох, и оказалось, что это вовсе не птенец, а молодой сильный дикий кот. Он был розовым с золотыми поперечными полосами на спине, коротким рысьим хвостом и без шерсти. Только лапы и хвост были покрыты редким рыжеватым пушком.

Вайделотка проснулась. Она, как и все вайделоты, умела управлять своей душой, и та почти никогда не блуждала сама по себе. Чаще всего душа спала вместе с Виндией. Неуправляемые фантастические сны принимались вайделотами за откровения богов. Сны разгадывали, лелеяли, им верили как божественным указаниям. Однако Виндии, давно разуверившейся в религии и порвавшей с богами все отношения, Виндии, подчинившей магию и разгадавшей источники силы духов земли, воды и воздуха, явление незваного сна не понравилось. Душа трепетала, понимая, что Виндия на нее зла и наверняка жестоко накажет за попытку к самостоятельности.

Но Виндия была мудрее души. Она рассудила, что та не посмела бы покинуть тело без особой надобности, и отложила наказание. Сейчас для нее важнее было найти ту силу или причину, которая подсунула Виндии неуправляемый сон.

Она раздула огонь в очаге, подкинула несколько веточек можжевельника и щепотку растертой в пыль травы, которую куры называли “змеиной горечью”. Когда сладковатый дым заполнил хижину, Виндия положила ладони рук на янтарный шар. Он был спокойно прохладным – безмолвствовал. Вайделотка не стала читать заклинаний и чертать рун. И так было ясно, что носейлы здесь ни при чем. Это ее не удивило. По тому, как с пробуждением задрожала душа, она уже догадалась, что источники сна где-то внутри нее самой.

Виндия откинула шкуры на входе, впуская в хижину свежий воздух, а сама вышла наружу.

На светлеющем небе чернел рисунок крон деревьев. День обещал быть светлым безоблачным с легким юго-западным ветром. Подходящий день для того, чтобы заняться, наконец, переселением в зимнее жилище. Но что-то в этом безмятежном рассвете было не так. Что-то угрожающе сдвинулось и грозило рухнуть. Вайделотка обратила зрение внутрь себя и пошла за ним.

Она вышла к морю. Постояла в раздумье, двинулась на юг, прошла еще полсотни шагов и тогда заметила, что идет за следами копыт на песке. Попробовала уйти в сторону, но ее явственно тянуло к этому следу. Виндия встала и подумала

– нужно ли ей это? Решила, что не нужно. Ей нет дела до людей. У них своя жизнь, у нее – своя. И все же не повернула, пошла дальше.

У границы ее владений вчерашние следы с уже осыпавшимися краями были затоптаны множеством беспорядочных, совсем свежих. Виндия подняла голову и принюхалась. Пахло потом коней, мужчин, кожей, железом и кровью. По сырому песку тянулась глубокая борозда. Волокли что-то тяжелое. Виндия хотела пойти за бороздой, но раздумала, пошла в сторону от моря, к сосняку.

На небольшой поляне в нескольких шагах от кострища лицом вниз лежал воин. Виндия уже знала кто это.

Песчаная почва не успевала впитывать кровь, она медленно растекалась в траве. Богатый серебряный пояс с мечом, который Виндия заметила вчера, исчез. Исчезли и друзья рутена – витинг с вармийским акцентом и его темноволосая женно. Трава была вытоптана местами, сбита до песка, и все забрызгано кровью. Виндия обошла поляну, и земля показала ей два места, где на ней лежало по трупам, и одно, откуда человека забрали еще живым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.